

Улана Ветрова

Я - Вигжая

18+

Илана Ветрова

Я – Виджая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51640699

SelfPub; 2020

Аннотация

Я – Виджая – апсара. Полубогиня, рожденная морской пеной. Младшая сестра Лакшми и дочь Самудра, любимица Царя Богов – Индры. И однажды я совершила ошибку, влюбившись в того, кого должна была лишь соблазнить. Наказание было жестоким – нас разлучили, но я не забыла о нём... Сквозь века, сквозь время и расстояние, я ишу того, кто украл моё сердце. Снова и снова, несмотря ни на что. Иллюстрация на обложке принадлежит автору.

Содержание

Эпизод 1. Изгнание на землю из Рая Индры	4
Эпизод 2. Задание	10
Эпизод 3. Соблазнение	15
Эпизод 4. Новый дом и новые открытия	20
Эпизод 5. Разлука	26
Эпизод 6. Взросление	30
Эпизод 7. Воля Индры	37
Эпизод 8. Поиски. Первые шаги	43
Эпизод 9. Завоевание	46
Эпизод 10. Такова наша воля	63
Эпизод 11. Одиночество	71
Эпизод 12. Протест	76
Эпизод 13. Перетерпеть	80
Эпизод 14. Пари	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Эпизод 1. Изгнание на землю из Рая Индры

Я – Виджая – апсара. Полубогиня, рожденная морской пеной. Младшая сестра Лакшми и дочь Самудра, любимица Царя Богов – Индры. Я этого не хотела, но один из магических даров, поднятых Богами и Асурами со дна океана, остался в моем теле. Все дары были поделены, кроме меня. Ни Боги, ни Асуры не захотели забрать апсар, и мы остались свободными. Полубогини, небесные куртизанки, танцовщицы – как только нас не называли. Наше призвание – дарить миру любовь и красоту во всех ее проявлениях.

Но Индра – Царь Богов и страж восточных небес не пожелал утратить дающий стойкость и мужество алмазный жезл, по никому не известной причине ставший частью меня. Индра позволил апсарам жить в Сварге, услаждать танцами и пением храбрых воинов, павших на поле брани.

Из-за моей дерзости, Индра, сговорившись со своим северным воплощением, вышвырнул меня из Сварги, и я оказалась запертой в маленьком тельце ничего не соображающей и орущей новорожденной девчонки.

Мой господин обещал, что я ничего не буду помнить, но, видимо, магический дар помешал – я знала кто я и почему здесь оказалась, но не могла пробиться в сознание кричаще-

го комочка плоти. Я была узницей, способной наблюдать, но не имеющей возможности вмешаться.

Еще Индра обещал, что сохранит мне красоту и чарующий голос. И теперь я опасалась, не нарушились ли эти обещания – красота надрывающегося в крике создания вызывала большие вопросы, что же до голоса... то иначе как пронзительным, назвать его было нельзя. И я очень сомневалась, что с его помощью можно кого-то прельстить. Как же теперь смогу исполнить свое предназначение?

Глазами девчонки я видела склонившуюся к нам женщину. Ей далеко было до моих сестер, но голубые глаза и белая кожа вызывали восхищение. Плачущее создание приникло к белой груди и наконец-то замолкло. Немного утихло и мое раздражение – оказывается, я теснее, чем думалось, связана с этой крохой.

Девчонка жадно причмокивала, а я, продираясь сквозь запреты, вспоминала с чего все началось.

– Мохана, подойди, – наблюдая за нашим танцем, позвал Индра. Гандхарвы – придворные певцы и музыканты – замолкли, и воцарилась тишина.

Легкая, как и все апсары, позвякивая ножными браслетами и с развевающимся за спиной блестящим плащом волос, Мохана подлетела к Царю и склонилась в поклоне.

– Мне стало известно, что один из аскетов очень ревностно взялся совершать аскезы. Он становится угрозой моему

положению. Ты спустишься в нижний мир и превнешь аскезу.

– Сжальтесь, господин, – Мохана рухнула к его ногам. – Я только недавно вернулась к сестрам, искупив проклятие предыдущего аскета и долгое время пробыв духом воды.

– Как раз потому, что ты очень искусна, я и отправляю тебя, – ласково начал Индра. Остальные танцовщицы настороженно замерли – никому не хотелось покидать Сваргу и спускаться в нижний мир. – Еще ни один смертный не смог устоять перед тобой. Вы не только мои любимые танцовщицы, но и безотказное оружие для защиты трона, – Индра сурово сдвинул брови, и его голос утратил предыдущие мягкие интонации. – Ты пойдешь или до скончания веков будешь изгнана из Сварги.

– Все сделаю, господин, – вздрогнув, тихо ответила Мохана и отошла.

Ушел и Индра.

– Почему Виджаю никогда не отправляют соблазнять аскета? – плакала Мохана. – Чем она лучше остальных? Опять какой-нибудь высохший старик обречет меня на прозябание низшим духом.

Я сочувствовала сестре, но ничего не могла поделать. Никто не мог послушаться господина, а он не позволял мне отлучаться. Даже с гандхарвами, с которыми многие апсары связали жизни, мне разрешали встречаться только во время увеселений Богов. Сочувствовали ей и остальные сестры, они

перешептывались и посматривали меня – всех раздражало, что одна из них на особом положении.

Сверкнули в солнечных лучах звякнувшие украшения, и Мохана исчезла. Мы продолжали развлекать праведников, доставлять на небесных колесницах павших воинов и с тревогой дожидались сестру.

Мохана вернулась через семь лун, растерянная и печальная.

Дрожа, она предстала перед гневным взглядом господина:
– Простите меня, – прошептала Мохана, падая ниц. – Я сделала все, что могла.

Индра молчал, только сурово сдвинул черные брови, и над нами стали собираться тяжелые дождевые тучи.

– Я появилась перед ним в виде белоснежного лебедя, но смертный на меня даже не взглянул. Погрузившись в медитацию, он не заметил и того, как лебедь превратился в девушку. Ни пение, ни танцы не привлекли его внимание. Я бессильна, мой Царь, моя магия на него не действует.

Глаза Индры сверкнули, и рядом с Моханой ударила молния.

– Прочь с глаз моих! – пророкотал он, и небеса содрогнулись от громовых раскатов. Мохана исчезла, а деревья качнулись от новой волны. – Эша!

Сестры обернулись, отыскивая глазами новую кандидатку, а та постаралась спрятаться за их спинами. Но девушки расступились и подтолкнули Эшу к господину.

– Иди и соблазни этого смертного! Неужели, апсара, владеющая любовной магией, не в силах справиться с человеком?!

Эша улетела, а нам опять осталось томительное ожидание – вернется ли сестра или на многие дожди застрянет на земле.

– И он тебя не проклял? – подступили сестры к Мохане.

– Кажется, он меня не заметил, – вздохнула она. – Он даже не поменял положения, несмотря на все мои попытки обратить на себя внимание. И очень-очень жаль, – сестра кокетливо повела плечом. – Он совсем нестарый и весьма привлекательный. С ним, я бы на земле не отказалась остаться, – она рассмеялась и, звякнув браслетами, приняла изящную позу.

– Расскажи, расскажи, – просили сестры и, приготовившись слушать, устроились на берегу пруда, рядом с ними присела и я. Ни разу не видя живого человека, мне было интересно, как они выглядят.

– Его лицо расслаблено, спокойно и невероятно красиво, – она мелодично рассмеялась и закружилась. Звон браслетов и переливы голоса смешались, движения были столь грациозны и пленительны, и не верилось, что кто-то может остаться равнодушным к очарованию Моханы. – У него тело воина, хоть и высушенное воздержанием, но все равно очень красивое. Как я это узнала? – она взмахнула руками и широкие прозрачные рукава соблазнительно окутали точеную фигу-

ру. Привлеченные танцем, подошли и гандхарвы. Они начали негромко постукивать по барабанам, задавая ритм. – Он был обнажен! Полностью! Только бедра прикрывал кусочек ткани, на мой взгляд, абсолютно лишний! И я уверена, что и под тканью он великолепен! – Мохана провела пальцами по внутренней стороне бедра, и ритм барабанов стал нервным и рваным, таким же стал и танец. – И у него великолепные руки. Я бы хотела чувствовать их прикосновение. Здесь, – она провела ладонью по груди, укрытой тяжелым ожерельем. – Здесь, – коснулась живота, ведя кончиком пальца от веретенообразного пупка к тяжелому поясу, удерживающему невесомую юбку. На мгновение пальцы задержались на сверкающих камнях, а затем двинулись дальше. – И здесь.

Один из музыкантов, отбросив бубен, схватил Мохану, и они покатались по высокой сочной траве. Это послужило сигналом для остальных.

– Виджая! – раздался рокочущий голос, но никто, кроме меня, не обратил на него внимания. – Спой для меня и жены.

Я поднялась, повинувшись зову Царя и оставляя за спиной томные вздохи, звуки поцелуев и движения разгоряченных тел – подобные утехы тоже были не для меня.

До сих пор я спокойно относилась к своей изолированности, но слова Моханы разбудили любопытство, и на мгновение я даже пожалела, что ни разу не спускалась на землю, не чувствовала страх и возбуждение от грозящей опасности, не испытывала ни на ком свои чары.

Эпизод 2. Задание

Человеческая девчонка проснулась и закричала. В общем-то, она только и делала, что спала и ела, а в промежутках или кричала, или редела. Она боялась людей в белых халатах и успокаивалась только на руках пахнувшей молоком женщины. Кроха становилась все любопытнее и с интересом рассматривала окружающих.

В комнату вошли две женщины. Сначала они что-то делали с другими маленькими свертками, лежащими каждый в отдельной кровати, малыши плакали громко и надрывно. Я же негодовала, что не могу освободиться и утешить их. Но тут моя девчонка тоже забеспокоилась и начала крутиться. Очередь дошла и до нас. В резком свете сверкнул тонкий острый предмет, кроха не отводила от него взгляда. Женщины о чем-то стрекотали. Кажется, они были очень взволнованы и постоянно жестикулировали. Рука с коротко стриженными ногтями мелькнула над лицом, потом еще раз. Оцепенев от ужаса, малышка следила за летающим перед глазами страшным острием. Я попыталась успокоить, но девчонка меня не чувствовала – страх завладел всем ее маленьким существом.

Женщины закончили разговор, одна из них наклонилась, и нас пронзила боль. Кроха сбросила оцепенение и зашлась отчаянным плачем. Я негодовала: «Что же это за мир та-

кой, где истязают слабых и беззащитных малышей?!» Девочка была такой хрупкой и слабенькой, что мне стало страшно – как же такое маленькое создание сможет противостоять божественной силе. Видимо, мне придется стать ее поддержкой. Слушать плач становилось невыносимо, и я постаралась унять боль малютки, а заодно и убаюкать. Видимо, у меня получилось, потому что она затихла, а я вернулась мыслями на гору Меру, в царство Индры.

Эша оказалась более настойчивой и вернулась через десять лун. Но также без результата.

– Я спустилась перед ним прямо с неба, – оправдывалась она под грозным взглядом Царя. – Все живое замерло, прислушиваясь к моему пению, но смертный даже не приоткрыл глаза. Я оплетала его лианой и дурманила ароматом горных цветов, освежала прохладным горным ручьем. Но ему все было безразлично – что палящее солнце, что звонкие живительные струи.

– Ты не справилась с заданием! Покушаешься на мое положение?! – Индра поднялся и навис над сжавшейся в комочек танцовщицей. Черные глаза ослепительно сверкнули. Вызвывая в воздух, Эша разлетелась на множество сверкающих брызг и обрушилась в пруд. Зеркальная поверхность приняла апсару, и ни один всплеск не потревожил ее покой.

Но новый раскат грома нарушил безмятежность, а белые и бледно-розовые лепестки лотосов пожухли:

– Виджая!

Я вздрогнула и взглянула на разгневанного владыку.

– Виджая, подойди, – чуть мягче повторил он.

Я подлетела к господину и опустилась на колени, а за спиной раздалось приглушенное шушуканье:

– Наконец-то, покончено с несправедливостью. Теперь и она поймет, что значит оказаться перед выбором быть проклятой разгневанным смертным или Богом.

– Неужели отправит на землю любимицу?

– Что с ней сделают, если аскеза не будет прервана?

– Дитя мое, – Индра положил ладонь мне на голову. – Смертный уже завершает аскезу, и если ему не помешать, то он сравняется со мной. Он займет мой трон, и в Сварге наступит хаос. Апсар и гандхарвов изгонят с горы, и никто не защитит вас от асуров. А здесь будут установлены новые порядки. Ты понимаешь, насколько положение критическое, что я готов пожертвовать тобой?

Я кивнула.

– Ты его остановишь? Защитишь сестер? Не испугаешься? Возможно, именно в этом твое предназначение, именно поэтому тебе досталось мужество и бесстрашие. Иди, Виджая. Предотврати грозящие нам несчастья, – Индра поцеловал меня в лоб. Это была первая, коснувшаяся меня ласка мужчины.

Индрани бдительно следила за своим привлекательным мужем, не позволяя ему нарушить супружескую верность, а от музыкантов и воинов, как уже говорила, владыка меня ограждал.

Я медленно брела, спускаясь с горы, раздумывала, как обратить на себя внимание отрешенного от мира аскета, и сама не заметила, что оказалась рядом с отшельником.

Все еще оставалась невидимой и, пользуясь случаем, стала рассматривать.

Он действительно был красив. Спокоен и величественен, как медитирующий Шива. Сходство усиливалось из-за длинных волос, спускающихся по спине и ниспадающих на грудь. Я поняла, почему Мохана сказала, что он воин – бронзовая, покрытая шрамами кожа обтягивала бугрящиеся мышцы.

Не потревожив и травинки, я облетела его и заглянула в лицо – высокий лоб, правильные черты. Запавшие щеки только подчеркивали высокие скулы – видимо, он долго находится в медитации. Индра прав – действовать надо быстро. Взгляд скользнул по ногам. Длинные и сильные – ноги атлета, они притягивали и манили прикоснуться. Я сама не заметила, как перестала дышать – глаза мне не повиновались. Казалось, они навсегда прикованы к прикрывающей бедра полоске ткани. Отбрасываемая ею тень интриговала и завораживала. Я была полностью согласна с Моханой – хотелось сорвать ненужный лоскуток и без помех наслаждаться красотой человеческого тела. Из груди вырвался глубокий

вздых. Кажется, отшельник меня услышал и едва заметно повел бровью.

«Что я творю?» – пронеслось в голове. – «Кто кого из нас соблазняет?»

Не желая обнаруживать свое присутствие раньше времени, я снова затаилась.

Эпизод 3. Соблазнение

Я уже стала уставать от белых стен, людей в белом и криков таких же малюток, когда нас завернули и отдали голубоглазой женщине. Она что-то сказала, но ни я, ни малышка не поняли. Вскоре мы оказались на улице. Было интересно, как выглядит этот мир, и девочка, будто решив помочь, завертела головой, стараясь все рассмотреть. Кружево пеленок терлось о щеки. Крохе это не понравилось, и она захныкала.

Я же рассматривала непривычно высокое, бледно-голубое небо в резных просветах темной зелени. Солнце находилось странно низко над горизонтом. Пахло рекой и пылью – все было чужим и пугающим. Где освежающая прохлада пруда? Мягкая, густая трава. Звонкие горные реки. Пьянящий аромат лотосов. Мелодичные голоса сестер. Где все это? По сторонам возвышались только серые коробки с поблескивающими прямоугольниками.

Почудился привычный запах, и лица девочки коснулись лепестки роз. Но цветы исчезли так же неожиданно, как возникли, и оказались в руках грузной женщины. Малышка совсем расстроилась и заревела – ей тоже понравились розы. Нас поспешно занесли в повозку. Она чем-то напоминала воздушные колесницы, на которых мы с сестрами доставляли в Сваргу воинов, только более тесная и закрытая. Всю ее заполнил сладкий аромат лилий. Женщина что-то недоволь-

но выговаривала сидящему впереди мужчине и пристегивала девочку, а она старалась высвободиться из свертка и дотянуться до роскошного букета.

– Нравится? – рядом возник беловолосый и синеглазый мужчина. Девчушка так сильно перепугалась, что даже не могла заплакать, а я поспешила укрыть ее от Северного Индры. – Ты меня помнишь? – удивился он. – Но это неважно. Все равно не сможешь ни на что повлиять. Это я подсказал, чтобы твой нынешний отец купил лилии. Хотел сделать тебе приятно. Не стоит меня бояться, я не причиню вам вреда. – Индра погладил испуганную девочку по голове. – Подумай, со мной тебе будет лучше, – сказал напоследок и исчез, а маленькая продолжала удивленно смотреть на то место, где недавно сидел Бог Громовержец.

Постепенно ее глазки стали закрываться, она засопела, а я вернулась в прошлое.

Я наблюдала за аскетом из-за деревьев и обдумывала варианты появления. Чтобы он точно меня увидел. Ни девушка, спустившаяся с неба, ни превратившаяся из лебедя, не привлекли его внимание. Возможно, потому что смертный догадался кто они такие и зачем появились. И я решила схитрить. Отойдя подальше, приняла воспринимаемый глазами смертных облик и сняла все украшения, чтобы выглядеть

как обычная девушка.

Я побежала и громко закричала. Волосы спутались, ветви больно секли, а в ступни впивались корни деревьев.

Достигнув поляны, я отвернулась и продолжала бежать, глядя в чашу леса. Ориентиром мне служило излучаемое отшельником возвышенное спокойствие. Я бежала на него, как на путеводную звезду и, даже если бы захотела, не смогла бы избежать столкновения. Запнувшись, упала у его ног и, вскрикнув, будто от страха, закрыла глаза, и обмякла. Человек сдвинулся с места, и я поздравила себя с первой победой – у меня получилось отвлечь его от аскезы. Почувствовала на лице прикосновение пальцев, они были теплыми и убирали с глаз спутанные пряди.

– Что с тобой? – раздался сипловатый голос, словно мужчина отвык говорить. Скорее всего, так оно и было.

Он взял меня за подбородок и слегка потряс, а я продолжала изображать обморок. Затем послышался глубокий вздох, стало любопытно, и я немного приоткрыла глаза, скрывая за ресницами, что подглядываю. Он рассматривал меня, будто видел женщину в первый раз. Очень неторопливо, словно запоминая каждую черту, осмотрел лицо, взгляд спустился ниже и остановился на груди. Я старалась сдерживать волнение и дышать не очень глубоко, но почти осязаемо ощущала его интерес. Наконец, почувствовала и руки. Они огладили мне плечи, потом слегка коснулись груди.

Я обдумывала пришло ли время «очнуться», обнять и по-

целовать «спасителя», но к своему удивлению поняла, что он пытается прикрыть меня остатками изорванной одежды. Боясь испугнуть, решила остаться в обмороке и предоставить инициативу ему.

Я почувствовала его руки под спиной и коленями. Поняв, что меня куда-то несут, устроила голову на широкой груди и слушала удивительно ровный и сильный стук сердца. Он нес меня так, будто я ничего не весила, а я наслаждалась его запахом. Человека окутывал аромат реки и леса с терпкой ноткой кожи.

Меня положили на землю и по веселому журчанию я поняла, что рядом есть ручей. Человек омыл мне ступни, оторвал подол юбки, обнажив ноги до колена, и перевязал царапины. Потом побрызгал в лицо. Дольше изображать беспмятство было бы неестественно, и я открыла глаза. Сначала немного, но почти сразу широко распахнула.

– Кто вы? – вскочив, воскликнула я, стыдливо прикрываясь остатками одежды и насколько возможно придавая взгляду беззащитность.

– Торил. Я здесь медитировал, но ты прибежала из леса и упала мне прямо под ноги. Кто ты такая и как здесь оказалась? – аскет тоже встал и откинул назад волосы. Оказалось, что он еще выше, чем я думала. Загорелые, без сомнения привычные к мечу руки обвивали змеи вен, рельефные мышцы груди пересекал длинный шрам. Бедра... дыхание перехватило – их по-прежнему прикрывала повязка, но сей-

час она уже не лежала свободно. Я поспешно опустила глаза.

– Я живу в деревне и пошла погулять в горы, собрать цветов, – как и положено скромной девушке, проговорила я.

– Но поблизости нет ни одной деревни. Это очень дикое место, – он снова взял меня за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза. Кажется, я нарушила их покой и безмятежность – в бездонной черноте вспыхивали алчные искры.

– Я не знаю, кажется, я заблудилась, – растерянно оглянувшись, прошептала я. – Мне показалось, что слышу рык леопарда, и побежала, а теперь не знаю, как вернуться домой, – еще раз растерянно хлопнула ресницами.

Аскет сжал челюсти и отвернулся.

– Иди вдоль ручья, выйдешь на жильё. Там тебе подскажут где деревня. Уходи, – процедил он сквозь зубы.

– Спасибо, – прошелестела я, с интересом рассматривая напрягшиеся плечи и широко расставленные ноги, будто он всеми силами хотел удержать себя на месте. Ягодицы четче обозначились под тканью.

Немного подумав, как поступить дальше, я опустилась на колени, зачерпнула воды, отпила.

– Ты еще здесь? – он повернулся как раз в тот момент, когда ткань, соскользнув с плеча, поплыла, увлекаемая водой, а я оказалась по пояс обнажена.

Эпизод 4. Новый дом и новые открытия

Когда девочка открыла глаза, то мы увидели склонившиеся лица: уже знакомые – мужское и женское, и еще неизвестные – пожилой женщины и девочки.

Кроха не заплакала по своему обыкновению, а с интересом рассматривала новых людей. Любопытно было и мне.

Девочке на вид минуло дождей пять или шесть. Она была миниатюрной копией женщины, только глаза казались более темными. Она потянулась к нам и осторожно погладила по щеке пальцем. Малышка не растерялась и крепко за него ухватилась. Кажется, она радовалась. На голове пожилой женщины возвышалось удивительно белое, мягкое облако. Такими же волнистыми, только темными, были и волосы мужчины. Даже глаза оказались одинаковыми – красивого удлиненного разреза и зеленые, как свежая трава.

Они рассматривали нас и переговаривались, а девочка, довольная, что ее больше ничто не ограничивает, дрыгала пухлыми ножками.

– Они спрашивают, на кого ты похожа, – беловолосый мужчина возник за спиной старшей девочки. Малышка отпустила палец сестры и потянулась к Индре, как к старому знакомому. Он улыбнулся в длинные усы и положил руку на

голову синеглазой девочки.

– Вика! – она продолжала еще что-то говорить, но что, я не понимала.

– Я подумал, тебе будет приятно носить свое имя, – проговорил Индра. А малышка еще активнее засучила ножками и потянулась к Богу Громовержцу. Она даже силилась улыбнуться – имя ей понравилось.

Взрослые улыбались и переводили взгляд с младшей девочки на старшую.

Потом мама – это слово всплыло само – что-то произнесла, и все засуетились.

Вика – теперь мы знали, как нас зовут – настороженно за ними наблюдала, тем более, что Индра снова исчез.

Вскоре молодая женщина подошла, подняла нас и понесла. Мы оказались в небольшой светлой комнатке, в коричневой, пахнувшей травами воде.

Малышка сначала испугалась и хотела зареветь, но я постаралась передать ей свою радость и удовольствие. Это, конечно, не владения Самудра, но, тем не менее, купание было приятным. Нам лили воду на животик, обтирали голову. Мне очень хотелось расслабиться и позволить теплым струям ласкать тело, но девочка шлепала руками и ногами и веселилась, когда брызги долетали до взрослых.

Вода...

Мы одновременно потянулись за уплывающей тканью. Я

поскользнулась на камнях и ухватилась за отшельника, увлекая его в воду. Каким-то образом аскет успел извернуться, и я оказалась лежащей на нем, а он – на острых камнях. Нас омывало ледяной водой, сковывая руки и ноги. Мои волосы намокли и опутали его шею, так, что мы не могли отделиться друг от друга.

Я пыталась встать, но руки не слушались, оскальзывались на камнях, и раз за разом я падала на своего спасителя. Замерзшие соски терлись о его грудь. Было необычно и приятно, и я совсем не старалась это прекратить, тем более, что чувствовала желание отшельника продолжать. Я заглянула ему в лицо и встретила взгляд изголодавшегося мужчины. Потянулась к губам, но он резко встал и, подхватив меня на руки, вынес на берег. Затем сдернул с меня остатки одежды и сильно, но бережно стал растирать все тело – от пальцев ног до плеч и шеи.

Кожа разгоралась под его руками, но, иногда касаясь холодной повязки на узких бедрах, снова покрывалась мурашками озноба. Я взглянула ему в лицо – губы все еще оставались синими. Тогда, не отводя взгляд, неуверенно начала развязывать узел. Аскет меня не останавливал, только глаза потемнели еще больше и крылья носа напряглись, придавая вид приготовившегося к броску хищника.

Лоскуток ткани упал к ногам, а я отступила, любясь на первозданную красоту человеческого тела. Мы оба молчали. Он смотрел в глаза мне, а я – ему. Затем, я медленно опу-

стилась на колени. Аскет хотел меня удержать, но я мягко отвела его руки. Осторожно провела по рельефу мышц, ко-со спускающихся к паху, отшельник вздрогнул, и его дыхание стало прерывистым. Провела языком дорожку, а затем бережно коснулась губами бархатистой кожи. С глухим стоном он рухнул на колени.

Густая трава стала нашим ложем, аромат цветов – одеялом, а высокое синее небо – балдахином. Аскет был порывист и несдержан, я даже не успела ничего понять, как после нескольких толчков, содрогаясь, он упал на меня.

– Извини, – виновато посмотрел.

– Тш-ш, – прошептала я, проведя пальцем по черной брови, затем по скуле, щеке и подбородку. Мой первый мужчина и, скорее всего, единственный. – Я даже не знаю как тебя зовут. Почему ушел в горы?

– Я уже говорил. Я – Торил. После того, как отца убили в сражении, я не захотел вступать с братом в борьбу за власть. Я избрал путь просветления и ушел в горы. И почти достиг цели, но, откуда ни возьмись, появилась ты. А как тебя зовут?

– Виджая, – я нежилась в тепле его объятий, но от следующего вопроса вздрогнула:

– Виджая, а почему ты не ушла? – я попыталась вскочить, но руки аскета мне помешали.

– Куда мне идти? Я не знаю дороги, – я попыталась изобразить невинный взгляд, но палец аскета в обвиняющем же-

сте указал на скорпиона на моем бедре.

– Виджая, ты – апсара. Тебя отправили прервать мою аскезу. Тебе удалось. Так почему ты все еще здесь?

– Я ничего не знала об этом мире, о людях. Ты мне понравился, мне хорошо с тобой. Если позволишь, то я стану твоей спутницей.

– Тебе со мной хорошо? – рассмеялся Торил. – Глупышка, ты по-прежнему ничего не знаешь, – он обхватил меня теснее, и я вновь почувствовала настойчивость его желания.

На этот раз Торил вел себя по-другому – он играл со мной, как взрослая кошка с неразумным котенком – касался и целовал где хотел, а я послушно позволяла делать с собой все, что угодно. Нашу поляну то и дело озаряли вспышки. Сначала слабые, потом все сильнее. Вспышки исходили от меня, от моего тела, утопающего в даруемой умелыми руками неге. Волны наслаждения захлестывали, пока все вокруг не утонуло в ослепительном пульсирующем свете.

И тогда грянул гром. Я вздрогнула и посмотрела на небо – там собирались тяжелые свинцовые тучи с двумя черными, сверкающими молниями провалами глаз Индры.

– Меня призывают, – я попыталась освободиться от объятий, но они стали лишь крепче.

– Я тебя не отпущу. Ты предложила стать моей спутницей. Я согласен.

От нового громового раската затрещали деревья, а у края поляны ударила молния.

– Я должна уйти. Я не хочу, чтобы ты пострадал, – сдерживая слезы, я ускользала от Торила, а он еще пытался меня удержать.

– Виджая! Я приду к тебе! Я найду тебя! – расслышала я среди сотрясшего горы грома и уже стояла у ног Царя небес.

Эпизод 5. Разлука

Малышка проснулась от того, что проголодалась, и сразу же заревела, требуя еды. Она не замечала танцующих на стенах солнечных зайчиков, висящую над головой странную штучку с яркими висюльками, не заинтересовали ее и гремящие фигурки. Только когда женщина приложила ее к груди, Вика умолкла и сосредоточенно зачмокала.

Господи, сколько же эта девочка ест! Ничего удивительного, что она такая круглая и мягкая. Надеюсь, моему нынешнему избраннику нравятся полненькие, иначе он не обратит на нас никакого внимания.

Что-то стукнуло, и в поле зрения появились пожилая женщина, как выяснилось – мама мужчины – и старшая девочка – Ирина. Воздух наполнился запахами солнца, травы, реки, а кожа девочки показалась мне странно розовой. Ирина смеялась и убирала с лица растрепавшиеся волосы, затем потянулась к нам, но мама не позволила дотронуться.

Ирина исчезла, но вскоре вернулась, добавив неизвестный мне душистый аромат. Закружилась, разбрызгивая воду и чем-то щелкнула – покои наполнила веселая музыка. После долгого бездействия я не удержалась и закружилась в танце. К моему удивлению Вика оторвалась от еды и тоже стала размахивать пухлыми кулачками. Переговорив с мамой, Ирина взяла нас на руки, очень осторожно, придерживая голову, и

стала пританцовывать. Взрослые снисходительно улыбались нашему веселью.

– А ведь ее отняли у меня, – услышали мы с Викой голос и повернулись – от окна на маму задумчиво смотрел Индра.

Я стояла перед тронном Стража Восточных небес. Все живое замерло в ожидании его гнева, только озеро подернулось рябью, и лотосы поспешно сворачивали тонкие лепестки.

– Я тебя отправил только прервать аскезу, а не ублажать смертного! – глаза резануло от ослепительной вспышки. – Почему не ушла немедленно после того, как достигла цели? – будто сквозь меня прошел громовой раскат.

Сестры и гандхарвы отшатнулись, но магический дар внутри меня не позволял склонить голову, и я продолжала стоять на месте, несмотря на то, что трава вокруг превратилась в пепел.

– В плотских утехах быстро растрачивается достигнутое духовное совершенство. Я старалась как лучше, чтобы вы дольше о нем не слышали, мой Царь.

– Не пытайся меня одурачить, апсара, – рябь на озере превратилась в опасные волны. – Ты готова была остаться с ним в нижнем мире, – по стайке сестер пробежал недоверчивый ропот. Бывали случаи, когда, влюбившись, апсара оставалась со смертным, но это скорее исключения – нам нравилось в царстве Индры. Нравилось петь, танцевать, носить красивые украшения и пить медовую воду. Даже если, выполняя по-

ручения царя, апсаре случилось забеременеть, она подкидывала ребенка на воспитание брахманкам, а сама возвращалась в Сваргу. – Что бы ты там делала? Ждала его с войны и рожала детей? – не желая еще больше гневить властелина, я молчала. – Как же мне с тобой поступить? – Индра нахмурил высокий лоб и разгладил длинную прядь. – С одной стороны, ты справились с заданием и достойна награды, а с другой – проявила слабость к смертному и заслуживаешь наказание.

Сестры опасливо подошли ближе, чтобы расслышать какая судьба меня ожидает и одновременно оставаться вне досягаемости гнева господина.

– Подойди, не бойся, – позвал меня Индра.

– Мне нечего бояться. Если я достойна наказания, то приму его, – я откинула голову и подошла к трону.

– Это твоя награда, – грудь придавило тяжелое золотое ожерелье, и вокруг меня заплясали отбрасываемые камнями кровавые отблески, а по поляне пронесся восхищенный вздох. Металл охлаждал кожу, вызывая воспоминания о теплых прикосновениях Торила. Как бы я хотела оставить все украшения и лететь к нему легкой и счастливой. Наверное, что-то изменилось в моем лице, потому что, словно в ответ на эти мысли, Индра продолжил: – А в наказание тебе запрещается принимать участие в развлечениях сестер. Тебе нельзя видаться ни с гандхарвами, ни с попавшими сюда с поля брани. Ты свободна, но только в пределах моего царства и в обществе других апсар, – он выжидательно сверлил

меня взглядом.

Я смиренно поклонилась и удалилась. Под раскидистые кедры, подалее от всех. После встречи с Торилом во мне что-то изменилось – раньше я не роптала против запрета на участие в веселых игрищах. Я и без этого была полностью счастлива, гуляя по лесу и купаясь в водопадах. Но сейчас, узнав в объятиях смертного, что радость и удовольствие могут дарить не только танцы и пение, во мне рос протест на решение Индры. Нет, мне не нужны были музыканты и все смертные вместе взятые, но запрет помешает встретить Торила. Ведь он обещал, что придет за мной. А я ему верила, ему нельзя было не верить. Что же, подожду, и если он не появится, то начну искать сама.

Эпизод 6. Взросление

Время летело. Слабенькая пухлощекая кроха сначала начала ползать, потом сидеть, а следом и пошла. Вика бегала, не разбирая дороги и собирала все углы. Порой, я в последний момент удерживала ее, чтобы она не разбила свой маленький и любопытный носик. Мама и бабушка следили за ней в четыре глаза, но все равно Вика умудрялась устроить переполох: то, карабкаясь на подоконник, роняла горшок с цветком и сидела усыпанная землей и с зелеными листьями на голове; то, раскидывала в купальне голубоватый порошок и пачкала все, до чего могла дотянуться. Вытащила черную пасту, которой натирают обувь, и вымазалась с ног до головы, а потом громко ревела, когда отмывали.

Папа мало бывал дома и все время баловал любимых дочек то красивыми нарядами, то игрушками. Воспитанием занимались мама и бабушка, уж они-то держали сестричек в строгости.

Летнее тепло сменилось дождями, а они – белой крупой и морозами. На улице щипало нос и щеки, но как весело было лететь на санках с горки, падать в хрусткие сугробы и шуриться на сверкающие ледяные кристаллы, блеском напоминающие украшения апсар.

В этом мире есть своя красота, только ее надо понять и принять. Потихоньку я привыкала и полюбила новую семью.

Вика меня чувствовала и говорила, что у нее есть невидимая подружка, которая учит танцевать. Танцевать нравилось нам обоим и, едва заслышав музыку, мы с удовольствием предавались любимому занятию. Не отставала от нас и Ирина. Правда, стало немного скучно, после того, как сестра начала где-то пропадать днем, а, появившись дома, с серьезным видом садилась за стол и что-то делала с листами бумаги. Когда же Вика донимала просьбами поиграть, то Ирина сердилась и жаловалась маме.

Мы с Викой стали еще ближе. Я ее развлекала, придумывала игры и рассказывала о жизни в Сварге. Нам с ней было хорошо в обществе мамы и бабушки. Но однажды наступил тот день, когда на Вику надели нарядное платье, а каштановые кудряшки первый раз заплели в косы.

Повертевшись перед зеркалом, она одобрила фиолетовое с оборками платье, придавшее зеленым глазам еще большую яркость, и нетерпеливо приплясывала, пока собиралась мама. Я же не понимала, что происходит. Нас привели в большую, полную детей комнату и оставили там, наказав вести себя хорошо.

В первый же день неугомонная девчонка подралась с мальчиком из-за того, что он стукнул ее по голове, вылила на себя и соседей компот и, словно обезьяна, взобралась на крышу маленького домика, когда всех вывели на улицу. Снимали непоседу несколько взрослых.

А вечером состоялся серьезный разговор с мамой и ба-

бушкой.

– Вика, дочка, нельзя себя так вести. Нельзя обижать других детей. Нельзя обливать их компотом, иначе с тобой никто не будет играть, – увещевали они.

– Ну и пусть! – Вика так тряхнула головой, что развязавшийся пурпурный бант упал на пол, а получившие волю кудряшки – разлетелись. – У меня уже есть подружка и с ней играть намного веселее, – заявила она.

Но на следующее утро нас опять повели в тот странный дом, и опять. Продолжали водить несмотря на все проказы.

Постепенно Вика обзавелась подружками, они вместе играли, но когда приходило время засыпать, она всегда просила меня рассказать сказку.

– Вика, девочка моя, – сказала однажды мама, одевая нас, чтобы забрать домой. – Воспитатели все время жалуются, что ты совсем не можешь сидеть на месте.

И со вздохом вытащила нас из-под скамейки, где мы доставали закатившуюся игрушку.

– Воспитатели посоветовали занять тебя чем-нибудь подвижным, чтобы там ты избавлялась от излишка энергии.

Мама отвернулась к шкафчику, а повернувшись, уже увидела дочку у дверей комнаты.

– Ты куда? – воскликнула она, возвращая нас на скамейку.

– Я забыла попрощаться, – бесхитростно ответила Вика.

– Вика, – мама устало заправила за ухо выбившуюся прядь. – Ты хотела бы учиться танцевать?

Казалось, Вика, занятая тем, что старалась достать из под шапки бантик, который больно давил на голову, ничего не услышала, но я ее подтолкнула.

– Конечно! – воскликнула она и сразу же завертелась в маминых руках, пытаясь танцевать.

– Не сейчас. Не сейчас, – уговаривала мама, застегивая куртку.

Не знаю, стало ли взрослым спокойнее после того, как Вика начала заниматься танцами, но на ближайшем празднике ей поручили танец и рассказать стих.

Утро знаменательного дня было суетливым – нарядное платье, белые банты в тугих косах. Воспользовавшись тем, что мама проверят положила ли сандалии, Вика вытащила ее туфли на высоких каблуках и затолкала в рюкзак, где все время носила игрушки.

– Ты ничего не понимаешь. Так надо, – остановила она мои возражения. – Будет праздник, а на праздник приходят на каблуках. Я знаю. Я видела.

– Милая, с кем ты говоришь? – оглянулась мама.

– С подружкой, – улыbnулась Вика, а я только неодобительно покачала головой.

Никто из взрослых не заметил принесенных вместо игрушек туфель, и, когда Вика приковыляла из-за занавеса, чтобы рассказать стихи, зал сначала онемел, потом раздались отдельные смешки, но стоило всем рассмотреть, что девочка утонула во взрослых туфлях, стены содрогнулись от раска-

тистого смеха.

Мероприятие оказалось под угрозой срыва, но пунцовая от стыда мама, сорвалась с места и утащила упирающееся чадом за занавес.

Не знаю, сколько времени я провела в одиночестве, гуляя в тенистых рощах и засыпая под звонкое пение ручьев. Солнце сменялось луной, то узкой и бледной, то круглой и желтой, но моя жизнь не менялась – Торил не появлялся, и Индра меня не возвращал. Что если он не смилостивится и навечно обо мне забудет? Такое будущее меня не устраивало, и я стала раздумывать как сбежать из Сварги и как найти возлюбленного среди множества незнакомых людей.

Я сидела на прогретых солнцем камнях, а прозрачные холодные струи омывали ноги, когда, появившись ниоткуда, сестра опустилась рядом.

– Он тебя призывает, – сообщила она.

– И я сразу же должна прийти? – я откинула с лица волосы и посмотрела на Васанту.

– Да, – кивнула она.

– Нет! – встала я. – Ни одна из вас не пришла ко мне. Он не вспоминал обо мне. Почему сейчас я должна лететь по первому зову?

– Пойми, мы не могли. Ты несла наказание по его приказу, – Васанта подошла ко мне и погладила по волосам, но я стряхнула ее руку. – К господину пришли гости. Высшая

троица с супругами. И он хочет, чтобы ты танцевала.

– С супругами? – восторженно воскликнула я. – Значит и Лакшми там? – надежда, что сестра поможет в поисках, понесла меня на зов Индры.

– Вот она, мое сокровище, – Индра подтолкнул меня к Тримурти, и я упала на колени.

При моем приближении, змея на плечах Шивы угрожающе подняла голову, но Парвати положила руку на плечо супруга, и змея успокоилась. Прекрасная Лакшми и ее муж Вишну ласково мне улыбнулись, а Брахма внимательно осмотрел.

– Хорошо, что ты не утратил часть своей силы. До нас дошли слухи, что Виджая пропала, вот мы пришли посмотреть, так ли. Рад, что это оказались всего лишь слухи. Потанцуй для нас, апсара. Слухи также говорят, что нет никого лучше тебя в искусстве танца. Проверим это.

Гандхарвы за спиной начали играть, а я – танцевать.

Я кружилась, стан изгибался. Звенели украшения, разлетались волосы, из-под развевающейся юбки мелькали ступни. Придавленная тяжелым ожерельем грудь мерно колыбалась, а вокруг меня сыпались выпавшие из волос цветы, окутывая сладким дурманящим ароматом.

Тогда я и заметила его – он стоял в стороне от всех, подперев плечом гладкий ствол дерева.

Возможно, стоял там уже давно, и я прошла мимо, не заметив. Потому что он задумчиво смотрел на меня и крутил

в руках цветов. Такой же, какими я украсила себя.

На нем не осталось ни одного шрама, а тело уже не было таким иссушенным, как запомнила я. Длинные волосы спускались ниже поблескивающей груди, а за спиной виднелся лук и колчан.

Опасаясь выдать себя, я продолжала танец, но старалась украдкой посматривать на Торила. Его лицо было бесстрастно, словно он меня не узнал.

Внутри больно кольнуло, когда к нему подошла Мохана, погладила по груди, отводя волосы, и прижалась всем телом. Сестра потерлась о него, потом взяла за руку и потянула к густой заросли кустов, а у меня уже готовы были хлынуть слезы.

Но Торил мягко отстранил ее руки и покачал головой. Оставаясь неподвижным, он продолжал наблюдать за моим танцем.

– В этот раз слухи не соврали, – сказал Брахма, когда музыка закончилась. – В танце тебе нет равных. А теперь можешь вернуться к сестрам. Он отпил из кубка сому и повернулся к другим Богам.

Поклонившись, я полетела подальше от глаз Индры, в густую рощу, и заметила, что Торил, оттолкнувшись от дерева, последовал за мной.

Эпизод 7. Воля Индры

То ли возымело действие занятие танцами, то ли Вика освоилась, но взрослые стали намного реже жаловаться на ее непоседливость. Живая и общительная, она обзавелась кучей друзей и теперь спешила поскорее с ними увидеться. Мальчик, в самом начале стукнувший по голове машинкой, превратился в самого главного защитника и нередко брал на себя вину за очередные проказы. Ревностно следил, чтобы за столом она сидела рядом с ним, спать ложилась рядом с ним и на прогулке тоже была рядом. Стоило же кому-то из мальчишек занять его место, как сразу же набрасывался с кулаками.

В это время я оставляла Вику одну и позволяла ей самой, пока еще неосознанно, использовать женские уловки. Ее притягательность для противоположного пола и радовала меня, и настораживала. С одной стороны, значительно повышало шансы привлечь внимание возлюбленного, кем бы он сейчас ни был, а с другой... она могла увлечься кем-то другим.

Еще больше, чем играть с друзьями, Вика любила проводить время с отцом, в те недолгие периоды, когда он появлялся дома. Если он приходил совсем уставший, и не мог уже никуда идти, то Вика сворачивалась клубочком у него на коленях и превращалась в пай-девочку. Когда же он, что

бывало чаще, приняв душ, подшучивая над их медлительностью, звал дочерей гулять, девочки с веселым визгом висли у отца на шее, не замечая, как его лицо покрывает меловая бледность.

Когда была плохая погода, они шли в кино или цирк, а мама с бабушкой в это время затевали стряпню, и по возвращении домой девочек ждала выпечка, благоухающая сдобой, ароматом ванили и сливками.

Летом же, неизменно ходили в парк аттракционов. Больше всего сестры любили вращающиеся на безумной скорости карусели. Их визг, смешанный с восторженным смехом, слышали, наверное, все посетители парка.

Или шли на лодочную станцию и катались на яликах. Обязанностью Иры при этом было следить, чтобы вертлявая сестренка не кувыркнулась в разбегающиеся за лодкой волны, пока отец сидит на веслах. Они же не знали, что я тоже слежу за непоседой и ни за что не позволю ей навредить себе.

Все закончилось внезапно. Отец как обычно ушел на работу и больше не вернулся. Вместо него дома раздался телефонный звонок, после которого мама, пошатнувшись, упала.

Бабушка вытолкала внучек в их комнату и закрыла дверь, но ничто не мешало притихшим девочкам слушать.

– Дочка, что случилось, вставай, – причитала она.

Потом воцарившуюся тишину разрезал дверной звонок и резко запахло лекарствами.

«Сердечный приступ», – услышали мы незнакомые голо-

са. – «Прямо над операционным столом. Мгновенно».

И сухие рыдания бабушки.

Мама стала словно тень. Всем занималась бабушка – отводила в сад, проверяла у Ирины уроки.

А потом был дождь, наваленная горкой мокрая земля около глубокой ямы и люди в черном. Мама, бабушка и Ира плакали, Вика с сухими глазами смотрела на беловолосого мужчину с пронзительно синим взглядом. Он стоял в стороне ото всех и наблюдал, как деревянный прямоугольный ящик медленно опускают в черноту ямы.

– Так надо, Виджая, – сказал он. – Она должна была погибнуть в автокатастрофе, – Индра кивнул, на бледную заплаканную маму. – Но он отнял ее у меня. Практически оживил. Сейчас будет смотреть, как мучаются его любимые дочери. Иначе мне тебя не заполучить

– Это ты виновата! – тишину, нарушаемую лишь шорохом дождя и отдельными всхлипами, разорвал пронзительный визг.

– Вика, девочка моя, что случилось? – бабушка обняла нас и прижала к себе, но Вика продолжала кричать и извиваться, стараясь вырваться.

– Она! Это она во всем виновата! Я ненавижу ее!

Бабушка вытряхнула из пузырька два желтых приторно пахнущих кружочка и заставила внучку проглотить.

– Ненавижу ее. Ненавижу, – захлебываясь рыданиями, продолжала твердить Вика.

Я не знала, к кому она обращается, ко мне или маме, но после этого Вика отгородилась от обеих.

Торил нагнал меня, когда мы достаточно далеко отошли от праздника.

– Наконец-то я тебя нашел, – горячие пальцы сомкнулись на запястье, и меня потянули.

Развернувшись, я упала на широкую грудь. Сердце пело, и было так легко, что я невольно взлетела.

– Куда? – вернул он меня на землю и прижал к себе. – Теперь уже ты от меня так просто не сбежишь.

– Тебя так долго не было. Я очень скучала. Я не могла спуститься на землю. Индра меня наказал.

Я льнула к нему, как лиана, желая оплести и уже никогда не отпускать. Он же, зарывшись пальцами в мои волосы, сначала рассматривал лицо, потом коснулся губами щек и, уже не сдерживаясь, покрывал поцелуями лоб, глаза.

– Никогда больше не оставляй меня, – ненадолго отстранившись, прошептал он, и время превратилось в вечность, пока длился наш поцелуй.

– Никогда, – ответила я, тая в его руках.

Нега разливалась по телу и щекотала, как мелкие брызги покалывают кожу.

Поцелуи пьянили, ласки будили спящий внутри меня свет, и он разгорался все ярче, пока не ослепил нас обоих.

Я забыла где мы, гладила, целовала сильное тело. Дрожь,

пробегающая по тугим мускулам, вызывала довольное урчание. Я чувствовала его желание и хотела только одного – чтобы это никогда не кончилось.

– Виджая... – прохрипел Торил, и среди дня зажглись звезды.

В такт нам вздрагивала земля. Солнце, луна и звезды кружились в бешеном танце. Наши вздохи смешивались с бурей, гнущей древние кедры. Вскрики заглушил грохот срывающихся в пропасть камней. Пока, наконец, горячая лава не накрыла нас обоих, растекаясь по всему телу и сплавляя нас в единое целое.

– Как ты меня нашел? – я лежала на широкой груди и вдыхала самый восхитительный запах его тела.

Сияние снова начало разгораться, и я, словно случайно, положила ладонь на твердый живот, с удовольствием чувствуя, как резко сократились мышцы.

– После того, как ты прервала аскезу, – он взял мою ладонь и приложил к губам, другой рукой обрисовывая контур скорпиона на бедре. – Я вернулся домой. Сразу сказал брату, что не буду оспаривать трон. Хочу лишь защищать земли от набегов. Я принимал участие в каждой битве, надеясь, что рано или поздно погибну. И однажды это случилось. Твои сестры привезли меня сюда, и я сразу стал разыскивать тебя. Но никто ничего не говорил, – Торил перестал поглаживать мое бедро и положил руку на грудь. Я задохнулась от удовольствия, и тут же рошу озарила ослепительная вспышка. –

Прекрати, а то больше ничего не услышишь, – он зарылся лицом в мои волосы с остатками вплетенных цветов и запутавшимися новыми.

– А ты не дразни, – я прильнула губами к выемке у горла, чувствуя, как меня стискивают сильные руки.

– Апсара! – будто обвиняя, проворчал Торил и посадил меня на себя.

Я одновременно растекалась по нему водой и сжимала, как удав. Вбирала в себя, не желая ничего упустить. Пронзала молниями небо и возвращалась дождем на землю. Практически ослепнув, затихла, только иногда вздрагивала, отчето покачивались верхушки деревьев.

– Индра узнал о моих поисках и нашел меня, – продолжил Торил свой рассказ. – Он сказал, что хочет заключить со мной сделку – сделает меня царем гандхарвов, но я не должен к тебе подходить. Могу выбрать в жены любую из апсар, но про тебя должен забыть.

– Ты его обманул? – в ужасе отстранилась я.

– Иначе я бы тебя не нашел, – Торил поцеловал меня в лоб. – Никуда не уходи. Я сейчас вернусь и обменяемся гирляндами. После этого мы станем мужем и женой. И никто не сможет нас разлучить.

Торил ушел, а я осталась лежать, глотая слезы и наблюдая, как белые, словно лебеди, облака сменяются черно-серыми тучами, испаряваемыми острыми изломами молний.

Я знала, что это значит – Торил так и не вернулся.

Эпизод 8. Поиски. Первые шаги

Дома к Вике не приставали. Думали, что это шок, и со временем все наладится. Но она только глубже уходила в себя. Все время находя дела или репетируя танцы, она отгородилась от меня и от мамы. Немного общалась с сестрой, а больше всех с бабушкой. Только из их разговоров я узнавала о ее маленьких секретах – на кого из подружек обиделась, с кем бы хотела, чтобы поставили в пару. Я видела лишь то, что она делает, но мысли стали для меня закрыты.

Вика стала отдавать предпочтение одиночеству – она либо сидела в комнате и рисовала, либо говорила: «Я гулять». И пропадала до вечера. Появлялась, когда мама уже собиралась звонить в полицию, и равнодушно выслушивала упреки.

– Я больше не буду, – кивала, когда у мамы заканчивались слова. Но потом все повторялось.

Не шла и на контакт с психологом, куда Вику отвела бабушка. И только я знала, что раз за разом Вика приходила в парк. Но она уже не каталась на каруселях, не звенел колокольчиками ее смех. Вика бродила по дорожкам, где гуляла с папой, сидела на тех же лавочках и смотрела на те же деревья, словно старалась сохранить воспоминания о нем.

Гроза закончилась, от кедров, недавно шумевших над нашими головами остались лишь почерневшие скелеты, пора

было возвращаться и встретить гнев Индры с высоко поднятой головой. Развеять, как моих сестер, он меня не сможет. Одиночество уже не страшило. Если Индра вернул Торилу в нижний мир, то я найду способ сбежать из этого рая, ставшего для меня темницей.

Кроме Индры у озера больше никого не было. Гости скорее всего уже ушли, а апсары и гандхарвы благоразумно исчезли, чтобы не встречаться со сверкающим черным взглядом господина.

– Ты предала мое доверие, апсара! – от раската его голоса поднявшиеся волны облизали берег. – И твой смертный. Он оказался недостоин моей милости. Я сделала его царем музыкантов, предложил в жены любую из апсар, а он протянул руку за тем, что ему не принадлежит. За свою дерзость он вернулся в нижний мир.

Я едва не подпрыгнула от радости, но постаралась скрыть, что в приступе гнева Индра раскрыл мне местонахождение Торилы. Теперь я смогу его найти.

– Ты тоже наказана. Не надейся, что послушание сойдет тебе с рук, – видимо, мои старания были не очень успешны. Хорошо, что господин приписал промелькнувшей в глазах радости другие причины. – Тебе по-прежнему запрещено общаться с сестрами, музыкантами и появляться на празднествах. Ты его больше никогда не увидишь.

Напрасно Индра послал тогда меня в мир людей. Теперь я знаю дорогу и, как только найду Торилу, меня никто не

удержит.

Коротая время в одиночестве, я старалась оставаться вблизи лесных озер. В их прозрачных глубинах, если внимательно присмотреться, можно было увидеть людей.

Эпизод 9. Завоевание

Вика росла и неумышленно начинала пользоваться собственной привлекательностью.

– Что у вас опять происходит? – раздался над ухом пронзительный голос воспитательницы.

Вика с распушенным бантиком, наблюдавшая за отчаянной потасовкой мальчишек, повернулась и пожала плечами.

Маленький провокатор, сначала за обедом она, пока отвернулся Владик, отдала Сережке рыбную котлету, а потом, когда он подошел к ней поиграть, отвернулась. Мальчик обиделся и дернул ее за косу.

На удивление, Вика была очень терпеливым ребенком и редко плакала. Не стала хныкать и сейчас, но нанесенную ей обиду заметил Влад, ревностно оберегавший свою подругу.

Воспитательница растащила ребят, но они, шумно сопя, продолжали пытаться дотянуться друг до друга. При этом у одного под глазом наливался пурпуром синяк, а другой щеголял царапиной на щеке и наметившейся шишкой.

Воспитательница расставила всех по углам, но Сережа как-то умудрился сунуть Вике машинку, чтобы не скучала, Влад увидел, и ребята опять покатались по полу.

Вечером за нами пришла бабушка, и воспитательница о чем-то долго с ней говорила.

– Викуля, – бабушка тяжело опустилась на низкую ска-

мейку. – Скажи, пожалуйста, почему рядом с тобой всегда мальчишки дерутся? – спрашивала она, надевая на внучку курточку.

– Бабуля, – Вика говорила таким тоном, словно объясняла очевидные вещи. – Они же мальчишки, они всегда дерутся.

Пришла еще одна мама, и вывели Влада с подбитым глазом.

– Владик! – воскликнула она и присела, ощупывая сына. – Откуда это? Что случилось?! – женщина уже поднялась и с негодованием смотрела на воспитательницу. – Почему вы не следите за детьми?

Воспитательница что-то тихо говорила, время от времени косясь на нас.

Увидев свою маму, из группы с радостным криком выбежал Сережа, и вновь последовали возмущенные восклицания и вопросы.

– Почему мой сын всегда дерется из-за вашей внучки? – подошла к бабушке мама Влада. – Он же добрый мальчик, но стоит вашей Вике оказаться рядом, как сразу же возникает драка. Мне кажется, что она плохо влияет на детей. Если подобное будет повторяться, то мы будем вынуждены ставить вопрос о вашем пребывании в саду.

– Нашли виноватую! – всплеснула руками бабушка. – Ваши дети дерутся, а виновата моя внучка? Уж о чьем пребывании ставить вопрос, так это о вашем. Ишь, придумали. Вика никогда ни с кем не дралась. Пойдем, дорогая.

Бабушка потянула нас за руку, а Вика, повернувшись, помахала мальчикам.

– Вот ведь, вертихвостка растет, – донеслось нам в спину.

С того времени сестры и гандхарвы, не желая вызывать гнев Индры, обходили меня стороной. Мне никто не мешал, и я с удовольствием наблюдала за жизнью людей.

Время текло незаметно, казалось бы, мимо меня. Оторванная от развлечений и полностью поглощенная разворачивающейся на глазах пьесой, я перестала его замечать.

В толще воды появилось озеро, окруженное горными цепями, а среди них – черно-золотое мерцание, к которому меня необъяснимо потянуло.

По знакомой извилистой тропе я спустилась в нижний мир и вскоре уже шла по лесу, так сильно напоминающему тот, в котором первый раз встретила Торилу.

Я шла осторожно и старалась не привлекать внимание. Птицы бесстрашно перелетали с ветки на ветку, едва не касаясь головы. Где-то пронзительно перекрикивались обезьяны. Шурша опавшими листьями, прошмыгнула ящерица. Деловито суетились белки, иногда замирая с шишкой в лапках и глядя на меня внимательными черными бусинками глаз. Остро пахло разогретой смолой и хвоей, а ленивый ветер временами приносил свежесть и звонкое журчание ручья.

Я любовалась красотой этого мира и прислушивалась к кишащей вокруг жизни. Что-то черное мелькнуло между

светлыми стволами, расчерченными полосами: золотистыми – от проникающих сквозь кроны лучей и темными – тени. Я присмотрелась. То самое черно-золотое свечение, что я увидела в озере Индры, появилось и снова пропало.

На всякий случай я стала невидимой, и вовремя – мягко ступая и подергивая усами из-за деревьев вышла большая пантера. Она шла настороженно, почти припав животом к земле и прижав уши. Только лопатки двигались под лоснящейся шкурой, да морщился влажный блестящий нос. Словно чувствуя, хищник шел прямо на меня. Пришлось подняться в воздух, иначе бы он на меня наткнулся. Обнюхав место, где я только что стояла, пантера фыркнула, нервно дернула хвостом и пошла в другую сторону.

Все еще оставаясь невидимой, я последовала за ней. Я не знала почему, но зверь меня притягивал.

Упруго ступая по колкой подстилке из опавшей хвои, кошка приблизилась к ручью и вошла в звенящую воду. Встряхнулась и... в радуге сверкающих брызг возник обнаженный молодой мужчина.

Он откинул с лица мокрые волосы. Темные пряди хлестко ударили по спине, а между лопаток, вдоль впадины позвоночника стекали прозрачные ручейки. Тугие ягодицы переходили в крепкие бедра, те – в развитые икры. Незнакомец был в прекрасной физической форме. Словно почувствовав мой взгляд, он обернулся, и я едва не ахнула – зародившиеся подозрения переросли в уверенность – передо мной стоял

Торил. То есть, конечно, уже не Торил, а тот, кого я искала. Кто же он сейчас, как раз предстояло узнать. Ясно было одно – мне предстоит иметь дело с оборотнем. Это меня не пугало, я и сама могла превращаться в животных, но сейчас решила повременить и, оставаясь невидимой, продолжала следить.

Перерождение не сохранило оставленные битвами шрамы, так же как и память обо мне. Изменило его лицо – еще по-юношески мягкое, но уже чувствовалась негибкая воля в прямом носе, высоких скулах и твердом подбородке. Только глаза... глаза остались моего Торила. Пронзительные и ласковые одновременно. Легко вспыхивающие гневом или страстью, и завораживающе-бездонные.

Он еще раз тряхнул волосами, избавляясь от остатков воды, и я зачарованно наблюдала, как разлетаются брызги от растрепавшихся прядей.

Очень захотелось прикоснуться, почувствовать их густоту, пропустить сквозь пальцы, но я сдержалась и смотрела, как великолепное тело скрывается под одеждой.

Одевшись, он пошел через лес, а следом за ним и невидимая я.

Мы спустились по тенистым тропинкам. В каждом движении мужчины сквозило, что в лесу он чувствует себя как дома – без труда ориентировался в густых зарослях, легко перелезал через поваленные деревья или продирался сквозь сплетение лиан, играючи перепрыгивал с валуна на валун.

Вот только вся мелкая живность, что суетилась вокруг меня, бесследно исчезла, почувствовав крупного хищника. Полную тишину нарушал лишь шелест листьев, потрескивание раскрывающихся шишек и еле слышный стук, с каким падали высохшие иголки.

Постепенно деревья стали редеть, и между ними проглядывали жилые дома. Из тени и свежести утреннего леса мы вышли в пыль и шум пробуждающего города. В нарядных одеждах жители стекались к храму Матери-Кали. Там уже всюю звенели колокольчики, призывая горожан на службу.

Встречные почтительно раскланивались с молодым человеком, только один, с жесткими, отливающими рыжиной волосами и странным красноватым блеском в глазах, посмотрел вслед и проворчал:

– Все благочестивые люди в храм, а Ратан Сисодия возвращается из леса.

Я присмотрелась – судя по богатой одежде и украшениям, он был знатного рода. В таком случае, откуда взялся окружающий его запах псины? Следом за недовольным мужчиной семенили дети, все мальчики, и слуги с серебряными подносами для служения.

Ни дочерей, ни жены видно не было. Либо он вдовец и счастливый обладатель одних сыновей, либо посчитал женщин недостойными присутствовать на службе.

Но не стала долго размышлять над этим, а последовала за Торилом, то есть, теперь за Ратаном.

Я сопровождала его до тех пор, пока он не скрылся в воротах расположенного на скальных уступах и возвышающегося над городом замка.

«Нелегко будет до него добраться», – подумала я, рассматривая толстые крепостные стены и массивные башни с узкими бойницами.

Но трудности не пугали, ведь я Виджая. Неторопливо спускалась к городу – было приятно чувствовать под ногами горячий камень. Это еще раз убеждало, что я действительно сбежала из Сварги и теперь полностью предоставлена сама себе. Сейчас мне надо как-то обратить на себя внимание Ратана. Попроситься к ним служанкой? Нет. Вряд ли женщина будет иметь шанс встретиться с господином, а в том, что Ратан господин или сын господина этого замка, я не сомневалась. Что вероятнее – попаду в гарем его отца, а это меня совсем не устраивало.

За спиной послышался перестук копыт, я оглянулась – меня нагоняла карета, которую тянула пара осликов.

Значит, все-таки, семья Сисодия посещает молебны. Я повеселела – служба – отличный способ попасться на глаза.

Дождалась, когда карета скроется за поворотом, убедилась, что по близости никого нет, и, приняв видимый облик, пошла к храму. Я встала так, чтобы Ратан меня видел и, не желая привлекать больше ничье внимание, накрыла голову. Я старалась не смотреть в его сторону, но чувствовала на себе изучающий взгляд... и не один. Попробовала незаметно

обернуться и тут же встретилась со снисходительным взглядом красновато-карих глаз. Мужчина, что встретил Ратана у храма, продолжал беззастенчиво меня рассматривать. Я ниже опустила паллу сари и отвернулась, поймав взгляд Ратана.

Применять доступную мне магию и использовать чары в столь людном месте, посчитала плохой идеей, поэтому смиренно дожидалась конца службы.

Отзвенели колокольчики, затих трубный звук ракушки, и прихожане стали разбирать подношения. Получив от пандита тилак, я пошла к выходу и постаралась поравняться с семейством Сисодия. Подождала, когда они окажутся рядом, и сделала вид, что падаю в обморок. На мое несчастье Ратана окликнул отец, и он отвернулся, а меня подхватил тот самый красноглазый незнакомец.

Я попыталась вырваться, но он не позволил.

– Опасно столь красивой девушке ходить одной по жаре, – он отрывисто, словно пролаял, хохотнул и со мной на руках спустился к кувшинам с водой. – Пей, – поднес к моим губам глиняную пиалу.

– Извините, – покачала я головой и отстранила его руку. – не могу. Я держу пост.

– Подыскиваешь новую жену, Прамара? – я подняла взгляд и увидела, что с нами поравнялись отец и сын Сисодия.

В глазах сына читалось сожаление.

– Пустите, меня ждут дома, – увидев, что они уходят, я

начала брыкаться, выскальзывая из рук, и Прамара вынужден был поставить меня на ноги.

К счастью, младший Сисодия еще продолжал смотреть, и уголки его губ дрогнули в улыбке.

– Позвольте вас проводить, опасно такой очаровательной девушке ходить одной, – не отставал Прамара, и собачий запах усилился, а в глазах мелькнул алчный огонь.

– Вас сыновья ждут, – я указала взглядом на толпящихся за его спиной детей. Засунув пальцы в рот и вскинув голову, они слушали наш разговор. Прамара поморщился, а я продолжила: – Я живу недалеко и прекрасно доберусь сама.

Показалось, что расслышала насмешливое хмыкание, но уже не стала смотреть, а постаралась поскорее ускользнуть от Прамара и побежала на другой конец города – поближе к лесу.

В следующий раз лучше встретиться с Ратаном в виде кошки. Тогда точно никто не будет хватать.

Укрывшись в зеленых зарослях, я обратилась в пантеру и отошла подальше от города, чтобы не напугать случайных путников.

Как ни странно, но даже в этом виде лесная живность меня не боялась, а продолжала оживленно гомонить в ветвях и в траве.

Несколько раз обезьяны пробовали задираться. Они спрыгивали с деревьев, но только собирались дернуть за хвост, как тут же отходили и, виновато бормоча, взбирались

обратно. Бежать было весело – сильные лапы пружинисто ударялись о землю, хвост задевал длинные ветви, усы щеко-тала повисшая паутина, а нос улавливал малейшие оттенки запахов – что же, жить пантерой довольно приятно.

Ратана я больше не встретила, а, когда стало темнеть, устроилась на толстой ветке и, свесив лапы, уснула.

Утром меня разбудила упавшая на нос капля дождя. Стало щекотно, и я чихнула. Потом облизнулась – дождь оказался невероятно вкусным, наполненным соком листьев и пылью цветов.

Довольно зажмурилась, но тут же распахнула глаза – слуха коснулись грозное рычание, прерываемое визгливым лаем и жалобным подвыванием.

Подобравшись, я спустилась и длинными скользящими прыжками неслышно побежала к источнику звука.

Первым в нос ударил резкий запах. Намного сильнее, чем тот, что я учуяла у Прамара. Потом увидела рыжих с желтыми подпалинами шакалов. Поджав хвосты и пригнувшись, они то наступали на свою жертву, то, взвизгнув, отступали. А заключенная в полукольцо, спиной к холму, взъерошив загривок, приготовилась к прыжку и обнажила длинные клыки черная лоснящаяся пантера.

Низкий рык огласил окрестности, и, не решаясь сделать первый шаг, шакалы опять попятились, но сзади уже поджидала я, и собаки, подпрыгнув, отскочили в стороны, когда услышали еще одно рычание. А я встретилась с насторожен-

ным и изучающим взглядом хищника.

Я видела окружающее его облако – черное с золотом, оно нервно подрагивало и ошетинилось острыми лучами. Хотелось сказать, что я не причиню ему вреда, но нас прервали.

Один из шакалов, отпрыгнув при виде меня в сторону, угодил в своего сородича и от неожиданности прыгнул мне на спину.

Инстинкты захлестнули, и тяжелые челюсти сомкнулись на загривке пса. Визжа и нелепо размахивая лапами, он полетел и упал в рыже-палевую гущу.

На миг она замерла, а потом воздух пронзил протяжный вой, и клаянье желтоватых клыков.

Напружинившись, я выпустила когти в мягкую землю и приготовилась к отражению атаки, рядом, хлестко ударяя по бокам хвостом, возник Ратан. Мы коротко переглянулись и повернулись к врагам – один из них уже прыгнул, нацелившись мне на горло.

Ударом тяжелой лапы я отшвырнула его в сторону и схватила зубами следующего, слыша, как рычание Ратана заглушает треск ломаемых костей и визг собаки.

Я повернулась посмотреть, как у него обстоят дела и тут же почувствовала как шкуру на ноге вспороли острые клыки. Кажется, от моего рыка покачнулись деревья. Ратан сверкнул на меня глазами и, резко развернувшись и пнув в морды нескольких шакалов, одним прыжком оказался передо мной.

Тяжелые челюсти с хрустом смыкались на хребтах и шеях,

лапы топтали, а когти рвали рыжие тела, я же, как могла, защищала тыл.

Сообразив, что перевес не на их стороне, один из псов задрал морду вверх и коротко взвыл. Противник начал отступать.

Ратан уже напряжился, чтобы их преследовать, но повернулся ко мне и, увидев, что я поджала лапу, остановился.

Я не возвращалась к человеческому облику, чтобы пока не вызывать вопросов, Ратан тоже не спешил обращаться. Подставив плечо и поддерживая, он помог мне дойти до ручья и, пока я пила, зализывал рану.

Я видела, как золотые лучи с черной окантовкой пытаются пробиться сквозь окружающее меня белое свечение. Почему-то образ пантеры не прятал, а наоборот, позволял видеть сияние спрятанного во мне магического дара. Но сейчас меня это не смущало. Я замороженно наблюдала за игрой света и цвета.

Черно-золотые стрелы окружали, пытались пробиться сквозь алмазную твердость света, когда же это не получилось, стали втягиваться обратно в окружающее Ратана свечение, цепляя при этом тонкие, ослепительно белые ручейки, и они охотно проследовали внутрь золотого облака. Я чувствовала, как энергия, покидая меня, уходит к Ратану и не жалела. Я хотела стать частью его, раз уж не могу впустить к себе.

Медленно, исподволь, они проникали все глубже, пока не

достигли сердцевины и, сгустившись, не облепили Ратана сияющим контуром.

Словно что-то почувствовав, он передернул шкурой и недовольно проворчал. Затем посмотрел на рану, которая не желала затягиваться и рыкнул. Правда, рык больше напомнил просительное мяуканье. Заглянул мне в глаза и ткнулся лбом в лоб.

Я промурлыкала согласие и прошла широким языком по черному блестящему носу.

«Вот и первый поцелуй», – грустно подумала, глядя на удаляющуюся лоснящуюся фигуру и подергивающийся хвост.

Я не торопилась обращаться, почему-то хотелось, чтобы Ратан заинтересовался мной, как девушкой, а не пригодной для продолжения рода самкой. И, положив голову на лапы, стала дожидаться.

Вскоре он вернулся с черной белкой в зубах и благородно положил ее передо мной, после чего ткнулся носом в рану и снова лизнул.

Окровавленная тушка не вызывала аппетита, я невольно сморщила нос и отпихнула ее здоровой лапой.

Ратан удивленно на меня посмотрел и вопросительно проворчал, я мотнула головой. Еще раз посмотрев и уверившись, что есть я не буду, он принялся с аппетитом уплетать добычу.

После того, как от белки ничего не осталось, Ратан стал

умываться, а поскольку я была рядом, то иногда шершавый язык проходил по моему уху или усам. Несмотря на то, что расстались мы давно, да и пребываем сейчас в облике животных, но знакомый запах скрутил мышцы живота.

Словно отзываясь на призыв, Ратан утробно заурчал и попытался ухватить меня за загривок. Но в мои планы это не входило, и, получив лапой по носу, он обиженно заворчал.

Потом снова лизнул рану на лапе, боднул в лоб и вопросительно заглянул в глаза. Я согласно прикрыла веки, и Ратан, нехотя и постоянно оглядываясь, потрусил к городу.

Что же, он пошел за помощью, а это значит, что самое время мне исчезнуть. Не хочу, чтобы меня рассматривали, как нуждающуюся в приюте бездомную кошку, да и заинтриговать Раната не помешает – чаще будет думать.

Улыбнувшись своим мыслям, я снова приняла свой обычный облик и, невидимая, наблюдала, как вернувшись и недоуменно переглядываясь, две кошки обнюхивали место, где я недавно лежала и, естественно, ничего не нашли – запахов я не оставляла.

Было немного жаль, ведь они пришли мне помочь, но я точно знала что делаю.

Новый день начался с новой задачи – как в облике девушки обратить на себя внимание Ратана.

Донесшийся из города перезвон колокольчиков натолкнул на кое-какие мысли, и я деятельно принялась их воплощать. Вскоре уже сидела в ворохе ярких цветов и увлеченно плела

гирлянды. Длинные разноцветные плети выглядели нарядно и празднично, такие не стыдно было предложить в качестве подношения и, напоследок украсив волосы цветком чампа, я спустилась в город.

Храм был окружен пестрой толпой. Кажется, весь город собрался здесь, вернее, его женская часть. Наверное, какой-то большой праздник, неужели Ратан Сисодия не придет на службу?

Я сидела на ступеньках и, через силу улыбаясь, продавала молящимся гирлянды, когда увидела приближающихся отца и сына. Еле удержала себя на месте и не побежала им навстречу, так хотелось поскорее посмотреть на него вблизи, но торговля пошла намного веселее.

Они поравнялись со мной вместе с одной пышной женщиной, держащей в руках поднос для служения.

– Господа, купите гирлянды. Только сегодня собранные. Посмотрите, все цветы распустились, ни одного сломанного, лепестки свежие, ароматные, – показывая товар, я неловко взмахнула руками, женщина оступилась и выронила поднос. Стараясь ее поднять, Ратан подбил поднос, и весь сундур из маленькой чеканной коробочки высыпался мне на волосы, а я умудрилась накинуть гирлянду на шею юноши.

Я и Ратан стояли посреди лестницы и недоуменно рассматривали друг друга: я – вся усыпанная сундуrom, а он – с гирляндой на шее.

– Могу я поинтересоваться, кто вы такая, – вывел нас из

замешательства голос Сисодия-старшего.

Я подняла взгляд и за его плечом увидела сверкающие глаза Прамара.

– Я пришла сюда после того, как захватчики разрушили мой город, – поспешно заговорила я. – Все мои родные погибли. Я боюсь жить в городе одна, поэтому обосновалась в лесу.

– В лесу? – воскликнул Ратан и многозначительно посмотрела на отца.

– А в лесу вам одной не страшно? – участливо поинтересовался Сисодия-страший. – На что же вы живете?

– Нет, в лесу меня никто не обидит, а от хищников я умею прятаться, – как можно более беззащитно ответила я и бросила короткий взгляд за плечо собеседника.

Старший Сисодия повернулся и посмотрел на прислушивающегося к нашему разговору Прамара. Затем мрачно повернулся ко мне.

– Кажется, теперь оставаться в лесу не так уж и безопасно, – заметил он, и за его спиной раздался голос подошедшего Прамара.

– Сисобия, как вы посмели задерживать девушку. Она упала мне на руки. Значит, она моя. Тем более, что моим детям нужна мать, а мне жена. Боги послали ее мне.

– Уверен? – развернувшись, поинтересовался отец Ратана и указал на нас: меня – обсыпанную сундуrom, а Ратана – красующегося в гирлянде. – Кажется, ты неверно истолковал

их волю или протянул руку не к своему.

– Это тебе так с рук не сойдет, – измерив нас сверкающим взглядом, проворчал Прамара, а затем взмахнул полами туники и направился в город.

– Он не отстанет. Извини, что наша личная неприязнь коснулась и тебя. Но одной тебе теперь оставаться опасно, – сказал отец Ратана. – У нас есть небольшой дом на самой окраине города. Там ты будешь в безопасности. Живи сколько понадобится.

– Отец, а как же это? – Ратан обвел нас рукой.

– Я подумаю, – недовольно буркнул отец, а затем повернулся ко мне. – Пойдем, мы тебя проводим.

Эпизод 10. Такова наша воля

Вика росла, хорошела. Волнистые волосы закрывали лопатки, к тому же мальчишки, несмотря на защиту Влада, постоянно старались дернуть ее за косу. И как следствие, девочка по полдня ходила с распущенными волосами, вызывая недовольство учителей.

Влад и Вика все больше сближались. Они уже пошли в школу, и мальчик всегда встречал нас у дома и провожал, при этом нес не только свой рюкзак, но и Викин. Мы бывали у него на дне рождения, что совсем не доставляло радости его маме.

Весной, когда звенели торопливые ручьи, а на ветках появлялись пушистые шарики, Влад всегда приносил подарок – самодельную открытку и шоколадку. Открытку Вика деловито прятала в портфель, а шоколадку ребята съедали вместе, пачкаясь и смеясь друг над другом.

Столь тесная дружба начала меня беспокоить – Вика слишком увлеклась этим мальчиком. Еще чего доброго эта дружба продлится до конца обучения, а потом Вика захочет выйти за него замуж, в то время, как меня, а значит и ее, ждет тот, кому мы предназначены. Вике ни в коем случае нельзя ни в кого влюбляться.

Словно подтверждая мои подозрения, в один из зимних, ветренных дней, когда все девочки казались особенно возбу-

дораженными, а мальчики преувеличенно безразличными, Влад, с красными от смущения ушами, вытащил из-за спины и подарил нам странной формы глянцевую красную открытку и такую же коробочку с конфетами. После чего поцеловал розовую от смущения щеку.

Вика совсем покраснелась, но была очень довольна. В тот день, несмотря на сильный ветер, они долго гуляли после школы, а Влад отогревал наши замерзшие руки.

Я же решила положить этому конец и уже на следующий день, выбрав мальчика постарше и покрупнее Влада, выпустила на свободу свои чары.

Не зря Индра говорил, что перед апсарой не может устоять ни один смертный – мальчишка на мгновение замер, не сводя с нас остекленевшего взгляда, а потом, глупо улыбаясь, подбежал и толкнул в спину. Вика упала на пол, больно ударившись коленями, и незаметно смахнула набежавшую слезинку. Но это не укрылось от Влада. Мальчик сразу же набросился на обидчика.

Они лягались, размахивали кулаками и царапались, пока подбежавшие учителя их не растащили. С взлохмаченными волосами, синяками и разбитыми носами, они стояли и смотрели друг на друга исподлобья.

– Это Владик начал драться, – из-за спин учителей донесся голос девочки из параллельного класса. – Этот мальчик задел Вичку. Совсем несильно, но она упала, и Владик набросился на него.

– Вика, иди в класс, ничего с тобой не случилось, – строго сказала учительница. – А вы двое – завтра с родителями. Сейчас вам надо в медпункт, – она решительно пошла к кабинету врача, а мальчики обреченно поплелись следом.

Узнав, что в очередной раз сын подрался из-за нас, мама Влада все-таки перевела его в другую школу, подальше от дурно влияющей на него девочки. И Вика опять осталась одна. Она проплакав всю ночь, но на следующее утро пошла в школу с сухими, хоть и красными глазами.

Я ее жалела, хотела утешить, но девочка по прежнему не подпускала меня. Внешне оставаясь веселой и беззаботной, все больше отгораживалась от окружающих.

Отец и сын Сисодия вывели меня за пределы города. Там, посреди озера приютился небольшой дом.

– Здесь тебя никто не побеспокоит, – сказал отец Ратана, переправляя меня на лодке. – Можешь жить столько, сколько захочешь.

– Но в храме... – воскликнул Ратан.

– Позже! – оборвал его отец.

– Ты можешь смотреться в воду озера, а я буду смотреть в воду пруда внутри нашего замка, тогда мы сможем увидеть друг друга, – повеселев, предложил Ратан, а потом понизил голос: – Ведь это тебя я встретил в лесу?

Я решила промолчать, наблюдая, как, вновь оживившись, черное облако втягивает окружающее меня белое сияние.

Оставив меня обустроиваться, господа Сисодия удалились. А я бродила по берегу озера, рассматривала лотосы и думала, как долго мне здесь оставаться, пока Ратан не уговорит отца на свадьбу. Только бы Индра не нашел раньше, надеюсь, что Самудр защитит меня.

Я присела и долго смотрела на свое отражение, вспоминая слова Ратана и надеясь увидеть его. Но только водоросли плавали в глубине и рыбки, ловя насекомых, вызывали рябь на гладкой поверхности.

Садясь, солнце превратило воду в жидкое золото, легкий ветерок трепал волосы, а лепестки, осыпаясь с волос, мягко опускались и превращались в крошечные лодочки. Я уже хотела возвращаться в дом, когда увидела, что в мою сторону движется лодка.

Интересно, кто пожаловал? Я не торопилась уходить. Людей мне нечего бояться. Даже если это не тот, кого жду, в любой мог могу стать невидимой.

Лодка ткнулась носом в песок, и из нее легко выскочил Ратан.

– Я знала, что ты придешь, – вскочив, прижалась к его груди.

– Разве я мог не прийти? – он крепко стиснул мои плечи и покрывал лицо и шею быстрыми, горячими поцелуями, а я, стосковавшись, гладила его руки и спину.

– Как долго я тебя ждала, – шептала, прижимаясь к широкой груди, в то время, как он сдирал с меня сари.

– Мне тоже сегодняшней день показался вечностью, – торопливо говорил Ратан, пока я дразнила его легкими прикосновениями и одновременно избавляла от одежды. – Отец согласился на нашу свадьбу и сказал, что завтра идем к пандиту.

Знал бы он, что мы уже давно принадлежим друг другу. Ратан был порывистым и нетерпеливым. Поцелуи – жадными и горячими, а ласки – торопливыми. Он был словно хищник, нашедший свою самку.

Прикусывал шею и ласкал грудь. Спускался к животу, вызывая мучительные спазмы. Гладил бедра, и внутри все требовательно сжималось.

Он зарылся пальцами в волосы и, сжав, слегка потянул, заставляя запрокинуть голову.

Губы раскрылись, и я почувствовала, как горячий язык завладевает моим ртом. Ноги ослабели и подгибались, и мы опустились на песок, прямо на берегу. Ратан прижался к моей спине, позволяя почувствовать всю настойчивость его желания.

Я плавилась под его ласками и одновременно дрожала от ожидания.

Гладкая и блестящая, как поднос для подношений, поверхность озера заволновалась и мелкими волнами накатывала на берег, лаская наши ноги и иногда забираясь выше.

Застонав, я прогнулась и тут же почувствовала Ратана. Он двигался резко и напористо, а я точно так же ему отвечала.

Озеро окончательно вышло из берегов, и волны страсти накрывали нас с головой, пока звезды смущенно не погасли, луна стыдливо не скрылась, а солнце не окрасилось румянцем, услышав наш громкий крик наслаждения.

– Я сейчас должен уйти, но скоро мы с отцом вернемся, – Ратан занес меня в дом, и нежно коснулся губ. – А ты пока отдохни.

Он ушел, а я нежилась в пока еще прохладной тени и не верила, что мое самое горячее желание наконец-то исполнится. Этой ночью мы были близки не только физически, Ратан не ограничился моим телом, он взял и часть моей силы. Я это видела по ровному и сильному алмазному свечению, окружившему возлюбленного, как доспех.

Он исчез из виду, а я неторопливо обновила измятый наряд.

Отец и сын не появлялись целый день, но я не переживала – теперь Ратан от меня уже никуда не денется. Вернее, я его не отпущу, раз уж нашла.

Они появились уже когда солнце начало клониться к верушкам деревьев.

– Боги указали на тебя, а мой сын совсем потерял голову, – сказал Сисодия-старший. – Я дал согласие на брак и надеюсь, что ты будешь хорошей женой и невесткой.

– Ваш сын будет самым счастливым, что видел этот мир, – кротко ответила я. – А я самой старательной невесткой.

– Хорошо, если так. Поднимайся, – он протянул руку, по-

могая мне сесть в лодку.

Мы уже почти достигли противоположного берега, когда увидели Прамара. Он расхаживал по мокрому песку и бросал на нас пронзительные взгляды.

Словно пытаясь нас задержать, волна разбилась о нос лодки и рассыпалась мелкими холодными брызгами.

Хрупкую скорлупу, в которой мы сидели, бросало то вверх, то вниз. Я ухватилась за борт, а взгляд случайно задержался на бурлящей воде.

Показалось, что из глубины на мной наблюдают черные глаза Индры, и я тут же отшатнулась

– Сисодия! – раздался с берега громовой голос. – Ты не можешь ее забрать! Она послана мне!

Сначала Прамара широкими шагами метался вдоль берега, потом, разрывая одежду, с визгливым тьяканьем, прямо на глазах превратился в шакала.

Не долго думая, мои спутники переглянулись и выпрыгнули из лодки. В воду они упали уже пантерами. Закрыли меня спинами и, глухо рыча, дожидались приближения противника.

Сжавшись пружиной, шакал прыгнул и приземлился прямо перед мордами пантер. Поднятая им волна, захлестнула лодку и потянула меня.

Я провалилась под воду как раз в тот момент, когда пантеры, оскалившись, приготовились к защите, а когда вынырнула, то уже ни шакалов ни пантер не было, а передо мной,

на берегу горного озера сидел Индра.

– Неужели ты подумала, что я позволю тебе пройти все ритуалы и растратить свой дар на какого-то человека? – почти ласково поинтересовался он. – Должен признаться, не ожидал, что окажешься такой хитрой и сбежишь. Придется теперь постоянно держать тебя рядом. Ты слишком уникальна, чтобы рисковать снова тебя потерять. Пойдем, – он подняла, а я понуро последовала за ним.

Эпизод 11. Одиночество

– Вика, почему меня постоянно вызывают из-за тебя в школу? – мама устало потерла и виски и села за стол перед клубящейся паром тарелкой супа. – Ты же девочка. А мне постоянно выговаривают за твое поведение. Посмотри на Ирину, с ней никогда не было столько проблем.

Мама зачерпнула ложку куриного супа и принялась есть, а Вика нехотя поливала бульоном края тарелки.

– Ешь, давай. Я так устаю на работе, а потом еще должна идти в школу и выслушивать что ты опять натворила.

С тех пор, как не стало папы, денег катастрофически не хватало, и маме пришлось искать работу. После долгого сидения дома, сделать это было непросто, поэтому она ухватилась за первое предложение – санитарки в больнице, где работал муж.

– А что я натворила? – Вика подняла на маму невинные глаза.

– Ты еще спрашиваешь! – мама стукнула ладонью по столу, и мы вздрогнули. – Мне сказали, что ты сорвала урок. Нет, не просто урок, а контрольную. Ты как собираешься учиться? Что дальше будешь делать? На репетиторов у нас денег нет. На платный институт тоже. Посмотри на сестру. Хоть бы чему-то у нее научилась.

Ирина в это время сидела в своей комнате и сосредото-

ченно делала уроки.

– Но ведь контрольную я написала! – тоже вспылила Вика и звякнула ложкой о тарелку.

– Что ты набросилась на ребенка? – вступилась за нас бабушка. Она уже плохо ходила и, с трудом подойдя к столу, опустилась на табурет. – Учится она хорошо. Просто, слишком подвижная, – она погладила нас по голове и поцеловала в макушку.

Вика вскочила и подала бабушке суп.

– Мне вот снова сказали ложиться в больницу. Только, не знаю, поможет ли.

– Опять? – мама обессиленно оперлась головой о руку. – Когда я все успею?

– Что случилось? – в дверях появилась Ирина.

Из хорошенькой девочки с пухлыми щечками и голубыми глазами она превратилась в стройную, благодаря занятиям танцами, девушку с длинными темными волосами и огромными синими глазами на худеньком, еще детском личике. Но в нежных чертах уже угадывалась настойчивость их обладательницы.

– Бабушку снова кладут в больницу, – устало сказала мама. – Кому-то придется готовить и носить ей обед. То, чем кормят в больнице, есть невозможно.

Она с надеждой посмотрела на старшую дочь.

– Mamочка, – немного помявшись и теребя край пижамной футболки, начала Ирина, – Я нашла подработку, – она

отвела взгляд. – Буду репетитором.

– А кто будет навещать бабушку? Ты не можешь отложить начало подработки?

– Ты же сама говорила, что денег не хватает, – неожиданно даже для меня, вмешалась Вика. – А навещать бабушку буду я. И готовить тоже. Между уроками и занятиями танцами у меня есть окно. Я все успею, – Вика уверенно улыбнулась.

– А когда будешь делать уроки? – насторожилась мама.

– На переменах, – не растерялась Вика.

– Только если опять что-нибудь не выкинешь и тебя не оставят после уроков, – казалось, скепсиса в голосе мамы все прибавляется. – Придется тебе совершить невозможное и вести себя хорошо, пока не выпишут бабушку.

Вика пожала плечами и встала из-за стола, мама только всплеснула руками.

Теперь Индра постоянно держал меня рядом, чтобы я ненароком опять не сбежала. Его супруга негодовала, но Царь Богов продолжал упорствовать. Я развлекала его во время трапез и досуга. Пела и танцевала под тяжелым пронзительным взглядом. Из-за моего постоянного присутствия и того, как любвеобильный супруг смотрит на меня, не выглядела счастливой и Индрани. Следя за мной тысячью очей, она все больше гневалась и того и гляди могла перейти в другую свою ипостась – Шачи – богиню гнева и ревности.

Поэтому, как только представлялась возможность, я про-

водила время в обществе сестер. Вот только празднества и гуляния случались крайне редко. Или сидела у пруда, делая вид, что рассматриваю, как солнце играет в тонких лепестках лотоса, на самом же деле наблюдала за жизнью смертных, пока господин не требовал меня к себе.

Иногда ко мне подсаживались сестры и расспрашивали о нижнем мире. Они не понимали, как можно променять веселую и спокойную жизнь в Сварге на муки и лишения, которые перепадают на долю смертных. А я не могла объяснить, как это чувствовать что от тебя осталась только половина, а другая половина где-то далеко и ты не можешь ее вернуть. Наверное, они могли бы меня понять, если бы лишились своей магии, но этого не произойдет, до тех пор, по крайней мере, пока не прогневят Царя.

В один из таких дней меня нашла Идрани.

– Виджая, – воспользовавшись отсутствием супруга, позвала она.

Я поднялась и поклонилась.

– Я знаю, как дорожит тобой супруг, – тысяча глаз Богини сверкнули недобрым огнем. – Но точно так же он и доверяет тебе. Окажи мне услугу – передай подарок Парвати, – она передала мне расшитую золотом подушку, на которой, словно солнце, сиял массивный пояс. Я разрешаю воспользоваться небесной колесницей, – ласково улыбнулась Индрани, пряча свою гневную ипостась.

– Разумеется, госпожа, – поклонилась я и оттолкнувшись

от земли, полетела прочь от озера.

Около колесниц никого не было. Сестры и гандхарвы, скорее всего, где-то веселились или развлекали воинов, но мне до этого не было никакого дела. Мой воин остался в нижнем мире. Повинуясь моей воле, колесница тронулась, и мы полетели на гору, где жил Шива со своей супругой.

По дороге я думала, почему Индрани отправила именно меня? Что она задумала? Парвати, она же Дурга – воплощение женской силы и Мать всего. Она сильнее всех, поскольку каждый из Богов передал ей часть своих сил. Возможно, ревнивая Индрани и пыталась натолкнуть меня на эту мысль. Ей удалось. Теперь осталось только снова найти своего воина. Кем бы он сейчас ни был.

Эпизод 12. Протест

– Ну почему я всегда во всем виновата? – воскликнула Вика, плюхаясь на кровать. – Я не делаю ничего плохого, но меня постоянно ругают.

Я была полностью согласна с Викой. Мы вели себя очень скромно – Вика усердно училась, а я, ничего не понимая, старалась ей не мешать и не позволяла отвлекаться.

– Так, что произошло в школе? – тяжело шаркая, бабушка вошла в комнату и присела рядом с нами.

– Ба! И ты туда же?! – возмущенно воскликнула Вика.

– Я же тебя не обвиняю, – тихо ответила бабушка. – Я от тебя хочу услышать, что произошло.

В ее словах был смысл, и я постаралась успокоить разгневанную девочку.

– Да, блин, – устраиваясь на коленях бабушки, начала Вика, а я недовольно поморщилась – мне не нравилось, когда она ругалась.

– Успокойся, рассказывай потихоньку, – на нашу растрепанную голову опустилась морщинистая рука, и Вика совсем утихомирилась.

– Наша математичка заболела и пришла какая-то новая.

«Вот именно. И эта женщина совсем нас не знала», – добавила я, но меня, конечно же, никто не услышал.

– Я сидела, решала, никого не трогала.

«Я подтверждаю. Пристально за этим следила», – снова не удержалась я.

– Потом мне стали передавать записки и просить помочь решить.

«Так вот что это за свернутые бумажки были. Конечно, Вика всегда помогала, когда просили».

– Я уже сделала свое задание, поэтому писала решение и отправляла записки обратно. И, когда повернулась передать очередную, математичка обернулась и подумала, что я списываю.

«Она даже не захотела ни в чем разобраться!» – теперь уже я кипела от возмущения.

– Забрала у меня тетрадь, велела выйти из класса и прийти переписывать контрольную после уроков. Я сказала, что уже все сделала, но она даже взглянула.

«Даже не попыталась!»

Кажется, Вике передалось мое возмущение, и она снова засопела. Легкая ладонь опять опустилась на голову, успокаивая нас.

– Ну и ушла бы. Ты же все знала, подумаешь, написала бы еще раз.

– Я и ушла, а следом за мной все мальчишки и несколько девочек, которым я помогала, – в голосе Вики слышалась моя гордость за нее. – А математичка завопила, что мы сорвали урок и побежала жаловаться завучу, – наконец закончила исповедь Вика.

– Ну вот, ты же знаешь, что ни в чем не виновата, так чего расстраиваться? – бабушка продолжала гладить волосы, а мы потихоньку засыпали.

– Тогда почему мама на меня ругается? – уже сонно спросила Вика.

– Она очень сильно устает, – ответила бабушка. – Будь терпеливее, ведь ты же ее опора, помощница. Спи, а я пойду собирать.

Вернувшись от Парвати, благосклонно принявшей подношение, я стала такой мягкой и тихой, что Индре оставалось только удивляться моей покорности. А когда ловила на себе вопросительный взгляд Индрани, успокаивающе опускала ресницы, давая понять, что разгадала смысл ее послания, при этом беспрекословно, по первой просьбе Царя, я пела или танцевала. Уходила, когда затевалось большое празднование, и гуляла в лесу.

Не желая ослушаться господина, сестры и гандхарвы избегали моего общества, но меня это не печалило. Пользуясь одиночеством, я заглядывала во все озера, пруды и даже ручьи. Наконец, нашла. Он с отцом сходил с корабля в портовом городе. Теперь я знала, куда мне идти и как прятаться от господина. Но сначала надо обеспечить защиту.

Гулянье еще продолжалось. Сестры занимали праведников, гандхарвы – сестер, Индрани отвлекала супруга, чтобы он подольше не вспоминал о намозолившей всю тысячу глаз

апсаре, поэтому я была свободна, как ветер, и полетела искать священное дерево. Из его плодов сделала браслет, чтобы он защищал от вездесущих глаз Индры и, пока меня не хватились, поспешила в нижний мир.

Я не хотела раньше времени привлекать внимание людей поэтому оставалась невидимой, пока не оказалась на пороге храма, проводящего служения для Кали. Только после этого приняла облик младенца и стала дожидаться, пока меня обнаружат.

Видимо, празднество завершилась, и Индра хватился меня. Я видела, как хмурится небо, чувствовала его гнев в порывах ветра, но господин ничего не мог поделать – для него я стала невидимой.

Вихрем закружились облетевшие лепестки жасмина и опустились мне на лицо. Вдалеке раздался глухой рокот, видимо, Индра негодует.

– Когда же небо ниспошлет нам дождь? – на пороге появилась женщина в бледно-желтом сари. Она перевела взгляд с грозовых туч под ноги и увидела меня. – А это еще кто? – служительница храма подняла меня и тут же тяжелую синеву туч пронзила ослепительная молния, а на землю упали крупные капли.

Женщина перевела взгляд с меня на небо, потом еще раз на меня, и, приподняв сари, поспешила в храм.

Эпизод 13. Перетерпеть

Бабушка все-таки легла в стационар, и Вика разрывалась между больницей, школой, уроками и занятиями танцами, не желая расставаться ни с чем. Я чувствовала, как она устает, и делилась своими силами. После этого Вика с новой энергией крутилась в колесе ежедневных забот. Она даже умудрялась вместо бабушки готовить к приходу мамы ужин, а вечером, вымотанная, падала в постель.

– Помощница моя маленькая, что бы я без тебя делала? – говорила тогда мама и гладила нас по голове.

А Вика, скучая по бабушке, льнула к ней маленьким котенком.

Но стоило сестре вечером уйти из дома, как настроение мамы портилось.

– Ирина совсем перестала бывать дома. Как вечер, так она уходит на свою подработку и ночует у подружек. Почему нельзя заниматься днем? Что за ночные похождения? – нервно переключивая вещи, ворчала она. – А это еще что? – вытащила из шкафа старшей дочери блестящий лоскуток.

– Может, для выступления? – пожалала плечами младшая. – Ирка вроде говорила, что скоро какой-то отчетный концерт, – беззастенчиво врала Вика.

– Как за вами уследить? – вздохнула мама и вернула одежду на место.

– Все будет хорошо, – Вика обняла ее за шею и поцеловала в щеку. – Бабушка скоро вернется из больницы. Я вырасту и тоже начну работать. Все наладится.

– Иди спать. Работать она будет. Выучись сначала, – подгоняя в постель, звонко шлепнула нас мама.

Временное взаимопонимание исчезло внезапно.

– Ты что творишь! – не успела мама раздеться, вернувшись с собрания, как попу обжег совсем не шутливый шлепок.

– За что?! – возмущенно развернулась Вика. В гневе она не замечала, но я видела, как осунулось и заострилось красивое лицо мамы. Какая она была бледная и как плотно сжимала губы.

– Еще спрашиваешь? – снова звонкий шлепок отразился от стен. – Зачем полезла на перила?! Тебе мало того, что отца не стало, бабушка в больнице? Хочешь, чтобы еще и я слегла?

– И во всем этом виновата я? – сверкнула глазами Вика. Она успела забыть о словах Индры, да и о нем самом, но я чувствовала ее боль всякий раз, когда напоминали об отце. И стараясь казаться сильной, Вика злилась.

А дело было так:

Учитель объяснял новую тему, когда нам в голову прилетел ластик. Вика только поморщилась, но решила на перемене стукнуть обидчика рюкзаком. Вот только защитники не стали дожидаться перемены и устроили настоящий бой.

Ручки, карандаши, пеналы летали над головами испуганных учеников, и чтобы восстановить дисциплину, учитель попросил нас выйти.

От нечего делать Вика решила тренировать равновесие, прогуливаясь по перилам лестницы. Я все контролировала и не позволила бы ей упасть, но нас увидел завуч.

– Ты хочешь, чтобы тебя выгнали из школы? Хочешь, остаться недоучкой?

– А кто им тогда успеваемость будет обеспечивать? – ухмыльнулась Вика.

Я чувствовала, как под нападками мамы, она закрывается, ускользает от моего успокаивающего влияния и становится агрессивной.

– Школа не хочет отвечать за такую безголовую ученицу, и меня предупредили, что на педсовете будет ставиться вопрос о твоём пребывании. Ты это понимаешь?! – мама снова замахнулась, а Вика отскочила.

– Еще раз меня ударишь, и я уйду из дома, – прищурившись, пригрозила она.

Мама опустила на банкетку и бессильно заплакала. Ее слезы Вика видеть не могла. Подойдя, она обняла маму и погладила по голове, как старшие утешают младших.

– Посмотрите, кого я нашла на пороге, – женщина показала меня мужчине с белыми волосами и морщинистым лицом. Она принялась убирать с моего лица лепестки, но муж-

чина ее остановил.

– Пошел дождь, – он поднял глаза к небу. – Эта девочка принесла нам благосклонность Богов. Оставим ее здесь и назовем Малати.

Я росла под защитой Кали, а когда немного повзрослела, стала выполнять несложные поручения.

– Малати, укрась изваяние Матери, завтра большой праздник, – просил меня мужчина с белыми волосами. Как я узнала, он был верховных жрецом.

И я украшала статую алыми цветами, убирала осыпавшиеся лепестки, и доливала в лампы мало.

А когда наступало время служения, прячась за колоннами, смотрела на красивые наряды девочек и девушек, что воспитывались здесь и молились, отгороженные от остальных людей кружевной деревянной ширмой.

Все девушки были очень красивы, сверкали украшениями и богатыми нарядами. По грациозности они почти могли сравниться с моими сестрами.

Вот кем мне надо стать, чтобы обратить на себя внимание Торила, кем бы он сейчас ни был. И с тех пор, каждый раз перед большим празднованием, завершающимся шествием девочек и опусканием статуи в воду, я просила у верховного жреца разрешения примкнуть к девушкам и учиться тому же, чему учатся и они.

Но раз за разом получала отказ, что нисколько не умаляло моего стремления.

Эти девушки, жрицы Кали, были здесь на особом положении – им все прислуживали, хоть прав в храме они почти не имели. Зато во время празднеств горожане поклонялись им почти так же, как и самой Матери.

Однажды, незамеченная я ускользнула из храма и вместе с остальными горожанами смотрела на процессию.

Это было прекрасно – кружась, девушки расходились, словно раскрывался пунцовый цветок, и выпускали вперед самую красивую девушку в самом ярком сари, и тогда началось настоящее волшебство – она покачивалась, как трава под легким ветерком, движения были плавны и завораживающи. Зеваки следили за ней не отрываясь и открыв рты, словно сама Богиня спустилась с небес. Видимо, земные женщины тоже обладают любовной магией.

Почти неуловимо для глаз смертных девушка двигалась к берегу, а за ней, как змеи за дудочкой заклинателя, шли зрители и кидали ей под ноги цветы и фрукты. Все красного цвета.

Я несколько не удивилась, что когда она зашла в воду, то горожане, в основном мужчины, последовали за ней. А вздумай она утопиться, утонули бы тоже.

Это именно то, что мне нужно. Кем бы ни был теперь Торил, но он скорее обратит внимание на блистательную жрицу, чем девушку, которая никому не показывается на глаза. Эта мысль стала определяющей и перевесила даже то, что жрецы обращались с девушками, как с живым товаром. За

них брали деньги и отправляли устранить неугодных плательщику лиц.

Я стала настойчивей и теперь не только перед большим шествием, но когда появлялись новенькие девочки, просила меня тоже учить, но верховный жрец продолжал отклонять мои просьбы.

Я была упрямей, и учительницы всегда видели меня уроках – сидя в отдалении от всех, в углу, я или внимательно слушала, или повторяла движения танца. Иногда Мохини даже ставила меня в пример.

Но кроме того, что усердно училась, я дотошно исследовала всю территорию храма, находя и запоминая скрытые от глаз переходы и лазы, по которым можно было выбраться на улицу. И тогда, одевшись мальчиком и спрятав волосы, я искала Торила. Я притворялась водоносом, помогала донести тяжелые вещи, и не переставала смотреть по сторонам.

Нет, я не заблуждалась на свой счет и понимала, что сейчас еще слишком мала, чтобы привлечь чье-то внимание. Но просто знать, где он живет, смотреть на его дом, иногда видеть – уже было бы счастье.

Нередко после таких прогулок я возвращалась с исцарапанными руками или ногами. Хоть я и была мала и неинтересна, порой натыкалась на бандитов или нищих, которые с удовольствием забрали бы меня, чтобы продать.

– Что это у тебя? – спрашивала тогда Мохини. – Где ты так исцарапалась?

– Прибирала у статуи и покусали мыши, госпожа – глядя прямо ей в глаза, отвечала я.

– Смотри, если останутся шрамы, то тебя никогда не станут учить и не быть тебе жрицей.

– Госпожа, что вы говорите? – я бросилась к ее ногам.

– Да, я говорила о тебе с верховным жрецом. Сказала, что ты делаешь успехи в искусстве танца и достаточно непосредственна, чтобы очаровывать. Он обещал допустить тебя к обучению после того, как закончатся дожди. Но только если ты пройдешь испытание. Так что тебе надо проявить всю свою находчивость и не подвести меня.

– Спасибо, госпожа! – я снова припала к ее ступням. – Я вас не подведу. Я все сделаю, что бы это ни было.

– Надеюсь, так и будет, – она положила мне на голову тяжелую ладонь. – А сейчас, иди, смажь свои раны. Твои руки и ноги должны быть безупречными.

Эпизод 14. Пари

Вика уже несколько раз замечала, как Ирина тайком собирает в сумку блестящие тряпки и уходит с ними, отговариваясь, что пошла на репетиторство, а поскольку это далеко, то заночует у подруги.

И в очередной раз, когда сестра начала собираться, Вика тоже стала одеваться.

На улице стемнело, и, зная, что она замыслила, я совсем не хотела, чтобы девочка подвергала себя опасности на ночных улицах.

Поскольку не могла пробиться в ее сознание, то старательно путала мысли и отвлекала, из-за чего Вика сначала надела колготки наизнанку, потом долго не могла застегнуть пуговицу на джинсах, сапоги не хотели надеваться, а шарф упорно лез в молнию куртки. Вика злилась, а я надеялась только на то, что она отстанет от сестры и забросит свою идею, но упрямица решила по-своему

– Я гулять! – из прихожей крикнула она маме.

– Куда ты? Уже поздно! – донесся из кухни голос мамы, но вредина уже закрывала дверь.

Вика потыкала кнопку вызова лифта, но он лязгал где-то далеко. Так и не застегнув куртку, она побежала по лестнице.

Еще не хватало, чтобы простыла!

Если раньше я уберегала Вику от столкновения с углами

и косяками, то сейчас, наоборот, сделала так, чтобы она налетела на перила и зацепилась шарфом.

Не помогло. Все, что она сделала – дернула шарф, зачихнула его под куртку и рывком застегнула молнию. Хоть что-то.

Вика выскочила на улицу и увидела, как Ирина заворачивает за угол дома. Быстроногая, она опрометью побежала следом и успела увидеть, как сестра садится в такси.

Как удачно сложилось! У нас не было денег на такси, автобуса в пределах видимости не наблюдалось, да и неизвестно, поехал ли бы он тем же маршрутом.

Вика вернулась на площадку и, сев на скрипящие качели, задумалась. Шаркая ногой по бетону, она тихонько раскачивалась. Попа замерзала, но ее это, кажется, совсем не волновало, только засовывала замерзшие руки поглубже в рукава.

– Ты чего здесь одна? – креслице качели резко подлетело, когда на спинку оперся парень на пару лет старше.

Вика оглянулась и, узнав мальчишку, игриво вскрикнула, будто от страха.

Он жил в этом же доме и у старшего брата был скутер, который парень иногда угонял без спроса.

– С ума сошел! А если бы я упала? – заливаясь звонким смехом, воскликнула она и кокетливо стрельнул глазами.

Искусительница, даже без моей помощи, начала осознанно и совершенно хладнокровно пользоваться своими чарами.

Боль после разлуки с Вадимом все еще гнездилась в дальнем уголке ее сердечка, и теперь девочка старалась ни к кому не привязываться.

– Да я же тихонько. Ты что испугалась? – мальчишка горделиво расправил плечи.

– Просто неожиданно, – Вика сверкнула на него глазами и задиристо вздернула голову. – А вообще, я люблю скорость.

– Любишь?! – мальчишка не замедлил заглотив наживку и ухватился за возможность покрасоваться. – Хочешь, прокачу на скутере?

– Да ну, он медленный – коварная, она капризно скривила губы. Я только неодобрительно качала головой, но Вика не чувствовала моего порицания.

– Ничего не медленный! – горячился парень. – Он знаешь как разгоняется! Брательника даже гайцы тормозили! Визжать будешь от страха. Все девчонки визжат.

– А вот и не буду! – Вика вскочила с качелей и с вызовом смотрела на парня.

– Спорим, будешь?

– Спорим! А на что?

– Если завизжишь, то поцелуешь меня.

– А если нет, то ты будешь меня катать, когда я захочу.

Хотелось на нее закричать. Что творит? Собирается целовать какого-то парня, когда моя, а значит наша судьба – это другой человек?

Но ребята пожали друг другу руки и договорились, что

когда Вика будет готова, она позвонит.

Добившись, чего хотела, проныра довольная поскакала домой.

А я задумалась – не пользуется ли она незаметно для меня моими же чарами? Слишком уж она для своего возраста искусно очаровывает. А мне придется поддержать ее, чтобы выиграть пари.

Не знаю. Моя ли настойчивость возымела действие, или уговоры Мохини, но, когда начались дожди, верховный жрец пригласил меня к себе.

– Малати, – густо подведенные сурьмой глаза внимательно смотрели, как я распрямляюсь, после того, как коснулась ног жреца, – ты появилась здесь, как посланное Богами благословение. И я хотел, чтобы ты им и оставалась. Но, возможно, учителя правы, и, став жрицей, ты принесешь храму намного больше пользы. Они говорят, что ты делаешь значительные успехи почти на всех уроках. Если на предстоящем шествии сможешь отвлечь зрителей от настоящих жриц, то разрешу учиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.